

М.Н. Жемчужникова

Воспоминания о московском антропософском обществе

Альманах "Минувшее" № 6.

Предисловие

Накануне Первой мировой войны Николай Бердяев писал: "В нашу эпоху есть не только подлинное возрождение мистики, но и фальшивая мода на мистику. Отношение к мистике стало слишком легким, мистика делается достоянием литературщины и легко сбивается на мистификацию. Быть немного мистиком ныне считается признаком утонченной культурности, как недавно еще считалось признаком отсталости и варварства"(1). Свое резкое суждение Бердяев заключил следующим предсказанием: "...ныне оккультизм делается внешне популярным, вызывает к себе интерес в широких кругах и подвергается опасности стать модным. Оккультизм, по всей вероятности, есть и сила и мода завтрашнего дня"(2). Много лет спустя, в 1940 г., в своей автобиографии "Самопознание", он назвал два главных течения начала XX века, связанные с мистическими и религиозными исканиями: "Одно течение представляла православная религиозная философия, мало, впрочем, приемлемая для официальной церковности. /.../ Другое течение представляла религиозная мистика и оккультизм"(3). Бердяев сам испытывал влияние первого течения, в котором он играл заметную роль, но в нем была и тяга ко второму, особенно к антропософии, которой увлекались близкие ему люди, группировавшиеся вокруг московского издательства "Мусагет". Он хорошо был знаком с антропософией "и по книгам и по людям", перед тем, как он ее, так же как и ее "предшественницу", т.е. теософию, окончательно отверг в 1916 г. (см. "Типы религиозной мысли в России. I. Теософия и антропософия". - "Русская мысль", 1916, №11, с.1-19, вторая пагинация). Тем не менее, в "Самопознании" он должен был признаться, что "наиболее интересно [среди оккультных течений того времени] было течение антропософское. Оно увлекало более культурных людей"(4).

Задолго до формального основания русского теософского общества в Петербурге (17 ноября 1908 г.) и русского антропософского общества в Москве (20 сентября 1913 г.), в день положения краеугольного камня будущего антропософского "храма" Гетеанума в Дорнахе, влияние обоих течений уже было ощутимо в интеллектуальной и художественной жизни русского общества. Стоит упомянуть хотя бы о значимости теософии для художественной системы Александра Скрябина и Василия Кандинского (приверженцев движения) или важность теософско-антропософских мотивов в стихах Константина Бальмонта, Максимилиана Волошина и Вячеслава Иванова, не говоря уже о центральном месте антропософии в творчестве Андрея Белого, который стал читать теософскую литературу уже в 1896 г.

Давно существует сравнительно большая литература о русском религиозно-философском возрождении начала XX века. Теософия и ее разновидности, антропософия, равно как и другие, менее "респектабельные" оккультные течения того времени (спиритуализм, спиритизм, медиумизм, астрология и т.д.) еще ждут своих исследователей. (Историками русского женского движения совершенно игнорируется тот факт, что многие из участниц этого движения не только были связаны как с русскими, так и с европейскими оккультными течениями, но и сыграли там исключительно важную роль: назвать хотя бы Анну Павловну Философову.) Будущим исследователям предстоит столкнуться с немалыми трудностями и препятствиями. С закрытием обоих обществ в 1923 г. участники

их ушли, так сказать, в подполье. Волна арестов и обысков толстовцев и теософов после убийства Войкова в 1927 г.⁵ и новая волна арестов антропософов весной 1931 г. рассеяли большинство их по ссыльным местам Советского Союза; немногие вернулись оттуда. Закрывание обществ в 1923 г. сопровождалось конфискацией библиотек и значительной части архивов (книги из этих библиотек продавались на Западе в тридцатые годы; судьба архивных материалов пока неизвестна). В бредовых условиях 1930-х годов стало более чем опасно держать у себя запретную литературу, особенно документы, касающиеся "юридической" стороны запрещенных организаций (членские списки, протоколы заседаний и т.д.). Можно надеяться, что кое-что было вовремя (т.е. уже в двадцатые годы) отправлено в верные руки на Запад: в "генштаб" антропософского движения в Дорнах, в английское отделение теософского общества, с которым русское отделение всегда было тесно связано. Возможно, кое-что уцелело в личных архивах и в государственных хранилищах. Но нужно думать, что очень многое, может быть, самое существенное, было невозвратно утеряно или уничтожено.

Ввиду отсутствия первоисточников печатная и особенно мемуарная литература, значение которой нельзя преуменьшать для изучения культуры начала века, является едва ли не единственным источником для будущих историков теософии и антропософии в России. Читателям уже известны воспоминания Андрея Белого, Маргариты Сабашниковой-Волошиной, Аси Тургеневой, Клавдии Васильевны Бугаевой и др., которые, однако, уделяют больше внимания скорее фигуре Рудольфа Штейнера, чем истории возникновения и развития самого русского антропософского движения. Воспоминания, которые публикуются здесь впервые, уникальны тем, что они дают не только историю "пути" их автора к антропософии, портреты многих, кто оставил заметный след в истории русского антропософского движения, но и нечто вроде хотя и очень отрывочной и неполной, но хроники. Об их авторе, как и о многих других упомянутых ею людях, я ничего не могу сказать. "Непосвященному", по вполне очевидным причинам, было почти невозможно проникнуть в то, что осталось от московских и ленинградских антропософских кругов (замкнутая кружковщина всегда была характерна для теософской и антропософской среды). Теперь они, как и автор настоящих воспоминаний, "канули в Вечность: без возврата" (А.Белый). Жемчужникова, к сожалению, не уделяет достаточного внимания повседневной деятельности Общества. Отчасти эту лауну восполняют материалы из архива Андрея Белого, представленные в другом разделе настоящего выпуска альманаха: его "Материал к биографии (интимный)"; его переписка, выразительно показывающая "стиль отношений" в тех кругах ("Искали тайных обществ, посвященных. Подозревали друг друга в причастности к оккультным организациям. В разговорах были оккультные намеки"⁽⁶⁾); материалы, касающиеся периода 1918-27 гг., когда Белый был особенно активен как в открытой, так и в "подпольной" деятельности движения, которому он остался верен до конца своей жизни (последние будут помещены в одном из ближайших выпусков "Минувшего").

Работа над биографией и творчеством Белого привела меня, как и многих других, к изучению антропософского движения. Не хочется сводить историю этого движения исключительно к фигуре Андрея Белого, но пока другие материалы не станут доступными исследователям или не "всплывут" на поверхность, мы должны опираться на его биографию, на многообразие им написанного, на его огромный архив (в настоящем выпуске "Минувшего" публикуется отрывок о его антропософских годах, 1910-1915), положив этим начало освещению истории одного из самых интересных явлений, которыми богата русская культура нашего столетия.

Дж. Мальмстад

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Слово "антропософия" и имя Рудольфа Штейнера(7) я впервые услышала 17-ти лет в 7-ом классе гимназии. На рождественские каникулы 1915-16 г. мы поехали в наше имение Холмищи, Калужской губернии. С нами поехала мамина приятельница Надежда Николаевна Нотгафт с двумя девочками и моя подруга по гимназии Наташа Спиридонова. Мы собирались всласть походить на лыжах, повеселиться на елке. Сначала, до Нового года, все так и было. И в это же время Надежда Николаевна дала мне первую в моей жизни книгу Штейнера. Это была Акаша-хроника(8). Мы с Наташей восприняли ее юмористически и хохотали до упаду, представляя, какими были наши "предки" - атланты и лемурийцы. Мы спрашивали: "Что это за автор, который разводит такие фантазии? И зачем их печатают?" Но Надежда Николаевна отвечала: "Вы можете, конечно, посмеяться. Но знайте, что автор - серьезный человек. Он доктор философии и имеет высшее образование также и в естествознании. И это не фантазер подобно спиритам с их стуками и блюдцами. О теософии ты уже знаешь кое-что, так вот, Штейнер - глава особой ветви теософии, называемой "антропософия". Это теософия, так сказать, высшего ранга, для тех, кто хочет в теософию внести дух научного знания". На Наташу эти сообщения не действовали, она только смеялась. Я вполне разделяла ее веселость, но все-таки меня "зацепила" самая идея возможности знать что-то о прошлом человечества не только документально исторически, но и как-то иначе - однако столь же "документально" - по отпечаткам Акаши-хроники, невидимой, но все же как-то доступной человеку. При этом очень импонировали два факультета - философия и естествознание, соединившиеся в авторе. И я порешила - по возвращении в Москву достать все, что можно, из сочинений Штейнера, чтобы понять - что это? Вздор или серьезно?

Наше веселое Рождество было прервано страшным ударом. 11 января мой брат Боря 12 лет заболел. 16-го января он умер. Молниеносный менингит - тогда против него не было средств спасения. Врач, вызванный из Москвы, определив диагноз, так и сказал: "Сделать ничего нельзя, я здесь лишний", - и уехал. Уехала и Наташа. Мы остались втроем: мама, Надежда Николаевна и я. И умирающий Боря. У мамы один за другим следовали приступы нервного шока, пугавшие меня до ужаса. Легче были бы любые отчаянные рыдания, чем эти состояния оцепенения. Ведь всего два года назад умерла моя сестра Таня, тоже 12 лет. Она болела долго и тяжело. Было сделано все - и самый сложный домашний уход, и больница, и заграничный курорт, и операция - все это мама вынесла по сути дела одна. Ничто не помогло. Таня умерла.

И теперь - новый удар. Немудрено, что ее нервная система оказалась на краю пропасти. Я внешне была спокойна, вполне владела собой. Но помню пароксизм отчаяния, взрыв истерических рыданий, когда Надежда Николаевна тащила меня в дальнюю комнату подальше от мамы. Такой же взрыв был и два года назад, когда умирала Таня и та же Надежда Николаевна тащила меня подальше в сад и требовала замолчать ради мамы. Но была разница: тогда, в возрасте 15 лет меня ранило чувство бессилия. Я кричала: "Ничего нельзя сделать!" Теперь, через 2 года, меня потрясал крик: "За что? Почему?" Я сама этого не помню - что именно было главным в этом взрыве. Говорю со слов Надежды Николаевны, которая позднее как-то рассказала об этих двух эпизодах, отмечая разницу, как признак душевного повзреления.

По возвращении в Москву я исполнила свое намерение и с помощью Надежды Николаевны доставала и читала все, какие были тогда книги Штейнера. Но и кроме того читала много и разных авторов - от Соловьева до Метерлинка. С нежностью вспоминаю книжечку Фильдинга "Душа одного народа" - о Бирме и бирманцах(9). В ней было много изречений буддистской морали. Я старательно переписывала их в свою записную книжечку, где они оказались в странном соседстве со столь еще недавно живыми для меня цитатами атеизма и научного позитивизма. Еще недавно, в возрасте от 12 до 15 лет, мы с моей подругой Ташей Старковой испещряли поля нашего школьного катехизиса "ядовитыми" замечаниями. Теперь меня все это просто перестало интересовать. Правда, смерть Тани и начавшаяся в том же 1914-м году война уже значительно сбили меня с этих "твердых" позиций, но ничего нового, по существу, еще не внесли. Теперь это новое широким потоком хлынуло в сознание. Но странно - не было борьбы, сомнений, просто хлынул поток и унес в другую сторону. Не было борьбы со старым, но не было и утверждения нового, как истины. Просто открылся новый мир, и я его *изучала*. Когда меня спрашивали: "Зачем ты читаешь эти книги? Ты что - стала теософкой?" - "Нет, - отвечала я, - я просто интересуюсь антропософией". И это было совершенно точной формулировкой. Я "интересовалась", т.е. открывала свое сознание этим мыслям, образам, представлениям.

Однако, плоды этого чтения скоро сказались, и один совершенно банальный эпизод мне это открыл. По окончании гимназии весной 1917 года мы по гимназическому обычаю все завели себе альбомы и писали друг другу разные разности "на память". Завела и я такой альбом. И в нем одна подружка написала приблизительно так: "Раньше я тебя терпеть не могла, ты была гордячка и задирала нос. Но теперь ты стала совсем другая, и я тебя очень люблю и хочу дружить". Это меня поразило! Как же так? Почему я стала "другая"? Ведь ничего для этого не делала! Никакой борьбы со своими недостатками не вела, ни о каком совершенствовании по-толстовски и не помышляла? Что же меня изменило? Осенило открытие: это сделали *мысли*. Новые мысли *сделали* нового человека. Мысли - не мое порождение, не моя выдумка, мысль существует сама по себе, и она действует во мне, как реальная *сила*. Как поразило это открытие! Огромной радостью и, вместе с тем - страхом! Нельзя просто отдаваться мыслям. Мысли надо *выбирать*. Этот момент я считаю первым своим шагом в духовный мир, в антропософию.

Скоро, тоже весной 1917 года, судьба послала мне и второй. Появилась афиша: Андрей Белый читает лекцию "Жезл Аарона" (10). В программе не было ничего связанного с антропософией. Я и не знала тогда, что А.Белый антропософ. Говорилось лишь, что лектор расскажет о новом, им разработанном методе анализа стихосложения, помогающем уяснять поэтический смысл стиха. С другой моей подружкой Надеей Вольпин, для которой вопросы стиховедения были особенно близки (она и сама писала неплохие стихи)(11), мы решили пойти послушать известного поэта (помнится - в Малом зале Консерватории).

Лекция была блестяща, увлекательна, по-новому открывала поэзию стиха. Мы обе были в восторге и от лекции, и от лектора. Но многое, особенно по части техники нового метода, оставалось неясным. И мы решили написать А.Белому письмо с просьбой указать, где можно узнать подробней об этом методе. Обратный адрес указали мой. И через несколько дней - звонок. Горничная докладывает: "Вас, барышня, спрашивают". Выхожу - Боже! Андрей Белый, сам, самолично. Сияющие глаза, очаровательная улыбка, весь обвешан пакетиками, даже на пуговице пальто болтается покупочка на веревочке! Все это я увидела, а не догадалась даже пригласить из передней в гостиную! (уж и ругала меня

мама за это невежество, когда пришла). Но я просто остолбенела. Он говорит: "Я получил Ваше письмо, но, к сожалению, никакой литературы указать не могу. Ведь я сам только что разработал этот метод и сам еще нигде о нем не писал. Но вот на следующей неделе я повторю свой доклад в доме моих друзей. Если Вам интересно - приходите, вот моя карточка и адрес, где я буду читать". Я только "спасибо" смогла пробормотать, но эти удивительные глаза уже не с эстрады, а совсем близко увидела.

Надежда Николаевна, посмотрев карточку: "Да ведь ты прямо на верхушку антропософии попала! Написано - квартира Григоровых, а Григоров - председатель Антропософского общества. Да и Андрей Белый - антропософ, ученик Штейнера, недавно приехал, прямо от него!"(12)

И, как на грех, Надя Вольпин куда-то уехала, надо было идти одной. Трусила я ужасно! Но отступать, конечно, не собиралась. По наивности я пришла ровно в назначенный час, и оказалась первой. Вышла Надежда Афанасьевна Григорова¹³, очень любезно меня приняла, но все-таки, пока собирался народ, я чувствовала себя совсем дурочкой. Ободрилась, увидев знакомое лицо: философ Лев Шестов. Я тогда не читала ни одной его строчки, а знала - Танин папа: его дочь Таня Березовская училась со мной в гимназии, и я, бывая у них, видела и его¹⁴. Совсем обрадовалась, когда явился хороший знакомый Надежды Николаевны, профессор математики Иван Иванович Жегалкин⁽¹⁵⁾. Усевшись рядом с ним, я обрела достаточное душевное равновесие, чтобы воспринимать окружающее. К сожалению, за исключением двух упомянутых лиц, я не могу назвать никого из присутствующих. Я никого не знала, но весь их вид, поведение, а главное - та беседа, которая завязалась после доклада, подтверждали: да, это те самые "сливки", о которых говорила Надежда Николаевна (теперь говорят "элита", тогда говорили проще - "сливки").

Доклад был как откровение. Для меня это был вход в мир поэзии. Я почувствовала - до чего мое отношение к стихам до сих пор было просто ребяческим. Теперь этот мир ожил, заговорил, затанцевал - и тючевский "Фонтан", и пушкинское "Я помню чудное мгновенье", и лермонтовская "Русалка", и другие... Распахнулись жесткие створки стихотворных форм и ожили высокие "Поэтические Смыслы". Живые танцующие образы двигались вокруг тоже танцующей фигуры лектора, слетали с его жестикулирующих рук, звучали в проносимых им стихах.

В совершенном упоении шла я домой с Кудринской на Пречистенку по длиннейшему Трубниковскому переулку, совершенно темному, но в душе горел яркий свет. "Да, вот он, настоящий духовный мир. Он только что недавно открыл мне свою силу в мыслях, действующих во мне, теперь он открывается в своих собственных существах, в нем обитающих. Да, вот истина, которой можно не просто интересоваться, но на которой можно утвердиться".

И возникло совершенно четкое решение: да, именно к этим людям мне надо идти - в Антропософское Общество!

МОСКОВСКИЕ АНТРОПОСОФЫ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Это решение я и осуществила осенью того же 1917 года одновременно с поступлением на юридический факультет Московского университета.

Общество помещалось тогда в Полуэктовом переулке (ныне пер. Сеченова) на Пречистенке, дом 5, во дворе. Было оживленно, многие приходили, уходили, толпились у стола библиотеки, смотрели книги, с ними беседовали, отвечали на вопросы. Я обратилась к Борису Павловичу Григорову (16), которого я уже видела на том памятном докладе А.Белого. У меня не было заготовлено никаких своих вопросов по существу антропософии, я только сказала, что интересуюсь антропософией. Борис Павлович сказал, что в таком случае я могу записаться в кружок по изучению книги Штейнера "Теософия"(17), который он сам будет вести. Я могу также записаться в библиотеку Общества и получать книги. Конечно, я сделала и то и другое. Скоро начались занятия.

Борис Павлович вел кружок очень серьезно, его комментарии были разнообразны, побуждали мыслить, в них чувствовались большие и основательные знания. Когда он слушал ваш вопрос, 'слегка склонив голову набок, вы чувствовали, что ответ будет дан продуманно, с чувством ответственности перед истиной. Возникал авторитет, но это не возносило его на пьедестал, потому что вся его эрудиция всегда сопровождалась удивительным чувством чуткого внимания и благожелательности. По богатству получаемого материала это был профессор, но по отношению к вам - не профессор, а старший брат. С первого же занятия я перестала дичиться и чувствовала: да, я попала именно туда, куда надо; здесь не просто интересное, но *самое важное*. Это чувство было общим, и оно-то и в последующие мрачные годы как магнитом притягивало на занятия и собрания, несмотря на все трудности и даже опасности, темные, заваленные сугробами улицы, холодные дымные помещения.

Той же зимой 1917-18 г. Общество переехало в другое помещение - Кудринская Садовая, д.6, кв.2, в бывшую квартиру Григоровых, и заняло там ту самую большую гостиную, где весной я слушала памятный доклад А.Белого. В этом помещении Общество и оставалось до самого его закрытия в 1923 году. Здесь происходили и регулярные еженедельные собрания членов Общества, где читались циклы лекций Штейнера и велись по ним беседы всеми присутствующими, без определенного руководителя, и отдельные доклады или собеседования по каким-либо специальным вопросам, и особые праздничные собрания - Рождественские, Пасхальные и другие. Здесь же занимались и некоторые кружки начинающих под руководством членов Общества, а другие устраивали свои занятия у кого-либо из своих членов, где квартирные условия были получше. Здесь стояла маленькая печурка "буржуйка". Иногда она оставалась холодной, и сидящие в шубах мерзли, иногда оказывалась чуть-чуть протопленной - не знаю, чьими заботами это делалось, - и тогда большей частью нещадно дымила.

Но это были общие условия всех московских квартир того времени, и они уже никого не пугали, потому что здесь мы получали "хлеб жизни".

Еще в старом помещении, придя на собрание кружка, мы увидели два новых лица, и Борис Павлович, знакомя нас, сказал, что члены Общества будут вести кружки: Клавдия Николаевна Васильева по книге "Как достигнуть познания высших миров"(18) и Вера Оскаровна Анисимова по книге "Христианство как мистический факт и мистерии древности"(19). Желающие могут записаться. Я тогда только что прочитала эту книгу, вышедшую в новом издании и новом переводе О.Н. Анненковой(20), и она произвела на меня огромное впечатление. Антропософия оказывалась не только делом внутренней духовной жизни человека, мировоззрением религиозным и философским. Она вступала в сферу исторических событий, объясняла их смысл и значение. А я ведь еще с 6-го класса гимназии знала, что из всех наук самая интересная - наука об обществе, и мое призвание именно здесь. Этим объяснялся и выбор юридического факультета, куда только революция открыла доступ женщинам. Конечно, я записалась в кружок Веры Оскаровны.

Редко можно встретить человека, обладающего таким четким, конкретным и в то же время образным мышлением. Широкое философское образование дало ей способность обобщения, но эти обобщения не были абстрактными, а выливались в образы, которые, однако, отнюдь не "витали в облаках", а всегда выражали собой конкретное содержание того, о чем шла речь. Это был удивительный дар речи, блестящей по форме и богатой по содержанию. Эрудиция у нее была не меньше, чем у Бориса Павловича, но мировосприятие, а вместе с тем и восприятие антропософии - совсем другое; я бы сказала - художественное. Недаром в ее жизни такую большую роль играла музыка. Музыкальность природы и острый ум - две черты, часто противоречащие друг другу, у нее сливались воедино, создавая неповторимое своеобразие личности. Страстная, увлекающаяся натура, полная противоречий и в то же время в чем-то основном непоколебимо цельная. И люди к ней относились по-разному: одни (как и я), сразу подпадая под ее обаяние, оставались ей преданными, часто на всю жизнь, несмотря на все шипы и колючки, которых тоже было немало в ее характере. Другие, напротив, испытывали раздражение, даже враждебность. Щедрость, всякая - и чисто материальная и душевная, были ее свойством. В те мрачные годы она, случалось, не задумываясь отдавала последнее полешко, последнюю горсть муки. А уж свое умственное и душевное богатство она расточала без удержу, иной раз по малодостойному адресу. Оба ее мужа принесли ей много горя, некоторые годы ее жизни были просто мученическими, и нужно было непоколебимое душевное благородство, чтобы это вынести. Да, она бывала и жестока, и несправедлива, и резка, но все это - оболочка, руда, внутри которой слиток чистого золота. И кто его увидел и почувствовал, оставался ей предан на всю жизнь. Мне кажется, что многое в этом характере объясняется ее происхождением. Она была не родной, а приемной дочерью пензенского врача Станевича; были довольно обоснованны предположения, что ребенок был подкинут ему из цыганского табора, кочевавшего в тех краях. Цыганские черты можно видеть и в ее музыкальной и вообще художественной одаренности, и в страстности темперамента, и в более глубоких свойствах души - способности любить преданно и жертвенно. И еще одно в ее существе может быть идет оттуда же: черты атавистического ясновидения. Она эти способности не развивала, даже страшилась, но они у нее были - это я испытала на себе. Неся все это "цыган-ство" в себе, она прошла строгую школу мысли, сначала классической философии на Высших Женских Курсах, главным образом у Б. А. Фохта(21), а затем - целиком отдавшись науке антропософии.

И кто знает - может быть, ее призванием в этой жизни было развить это атавистическое ясновидение, очистить его и поднять для входа в истинное ясновидческое познание; первая его ступень - имажинация - ведь была ей так близка! Но она уклонилась. Почему? Это - тайна индивидуальности и не нам о ней судить. После ее смерти, в ее архиве, мне встретилась беглая, на клочке бумаги, запись. Может быть, она скажет о ней больше, чем все мои неуклюжие попытки характеристики:

- Я варю суп - то это много,

Эта сама философия

В лице самой ничтожной служанки своей

Ходила на рынок и стряпает, неумело

Надев передник. Поэтому не требуйте

От меня уменя жен и таланта хозяек
Я среди них чужая, не мое это -
Облик, характер, салат, добродетель...
Мое - звезды над морем, горы и чудаки.
Да еще - сладостный вздрог от сознания,
Что понята мыслей система,
Что Кант пред тобою - как дерево
Со всеми ветвями и листьями;
Да мое еще - зовы симфоний
За пределы ведомых содержаний
Туда, где пульсирует как артерия
Единство вселенского Смысла.
И когда я умру и все, кто любил меня,
Забудут, меня вспомнят все те, кого я любила,
Камни, звездинки, звуки и чудаки.
Они согреют мое одиночество
И войдут в бессмертие мое.
Поэтому я вас прошу: не принимайте
Меня за ту, кем я не была и не буду;
И не судите меня за мои пути,
Только им я хочу быть верна,
Остальное - ложь и личина.

Вера Оскаровна прожила долгую жизнь, умерла в 1967 году. В этой жизни было многое и разное. Прекрасно зная языки, она специализировалась на переводах и в этой области достигла большого совершенства. Ее имя - В. Станевич - неизменно называлось среди лучших, ведущих наших переводчиков художественной литературы Запада. И в секции переводчиков Союза Писателей она работала много лет. В литературных кругах ее знали многие и на вечере ее памяти в Литиздате многие поминали добром. Но все это - за

пределами моей темы, ведь я пишу только о Московском Антропософском Обществе 20-ых годов.

Но одного недоразумения, связанного с ее именем в последующих годах, я должна коснуться. Среди антропософов некоторые упрекали ее в "отступничестве", а другие еще хуже - в лицемерном угодничестве ради "карьеры". И то и другое неверно. Психологию таких "отступников" удивительно метко изобразил Пастернак в лице "перековавшихся" друзей Юрия Живаго. Он говорит приблизительно так (не имея подлинника, цитирую по памяти): "Человеческому свободному духу так противно всякое насилие, что он старается убедить себя, что это его собственное настоящее мнение, а вовсе не давление со стороны"(22). Антропософию она даже сама перед собой законспирировала, не читала и не говорила о ней. Но антропософия в ней жила. Совсем незадолго до смерти она мне об этом прямо сказала, упомянув, будто вскользь - что ее духовный стержень - медитация "Die Sonne Schaeue..." А еще спустя некоторое время она взялась за перевод Автобиографии Штейнера(23), который я ей всячески навязывала, считая действительно, что только она может дать настоящий перевод этой книги, требующей философской эрудиции вместе с искусством находить формулировки тончайших оттенков мысли. Она взялась за этот перевод, но смерть опередила, у меня остались всего 2 1/2 главы в черновике.

И еще скажу, что Клавдия Николаевна - человек в антропософии бескомпромиссный, понимала мое отношение к Вере Оскаровне и его полностью разделяла. "Я ее очень люблю", - говорила она. И, даря ей сборник стихотворений А.Белого, вышедший в 1965 году(24), она написала: "Дорогой Вере Оскаровне на память о нашей многолетней дружбе и с благодарностью за ту радость, которую доставляли мне ее высокохудожественные переводы. К.Бугаева. 19 июля 1966 г., Москва-Снегири-Москва". Упоминание о Снегирях не случайно. Там оба семейства - Васильевы и Анисимовы жили вместе на даче в 1916-м или 1917-м году, только что познакомившись в Антропософском Обществе. И подружились крепко, на всю жизнь. В этом имени законспирированы истоки этой связи - встреча в Антропософии. Говорю со слов самой Клавдии Николаевны, так пояснившей мне эту надпись.

Клавдия Николаевна Васильева (во втором браке Бугаева) - совсем другой человек и внутренне, и внешне. Небольшая легкая фигурка, спокойные, какие-то музыкально ритмичные движения. Красивая ритмичная походка была ее особым свойством, впоследствии еще развитым в эвритмии. И говорила она спокойно и просто, но всегда очень по существу. Любовь к шутке, юмор тоже всегда как бы играли вокруг ее лица, смягчая категоричность суждений, нисколько не умаляя этим убежденность в их истине. Но только заглянув в ее глаза, вы чувствовали то, что, на мой взгляд, можно определить как основу всего ее существа. Я называю это "жар души". У нее были удивительные глаза. Описать их можно только одним словом - "лучистые", т.е. лучистые глаза, о которых Толстой не устает напоминать, говоря о княжне Марии Болконской. Они запоминались. Одну свою приятельницу, человека совершенно постороннего, я бегло познакомила с Кл. Ник. на каком-то концерте (моя приятельница была машинисткой и предполагалось, что ее работа понадобится Кл. Н.). Знакомство продолжения не имело, но моя приятельница много лет в дальнейшем постоянно спрашивала меня о "той даме, с которой вы меня познакомили на концерте, у которой такие удивительные глаза". Трудно описать, какой ореол окружал ее в Обществе. "Старшие" говорили "Клодя", и в их голосе звучала нежность; "младшие" говорили "Клавдия Николаевна" с восхищением и почитанием. Ее авторитет был непохож на авторитет, например, Бориса Павловича, но он был необычайно высок. Было в обычае именно к ней приходить с разными "личными" вопросами в антропософии. Она сама никогда не претендовала на такую роль "исповедника", но так

получалось. К ней приходили не только из ее кружка, но и из других. Приходила и я, хотя в ее кружке не состояла. Меня к ней тянуло. Она была очень умна, это свойство замечали в ней прежде всего, даже люди со стороны. Но ум этот и эрудиция были согреты вот тем "жаром души", который в ней горел и согревал души тех, кто с ней соприкасался. Случилось мне как-то услышать ядовитое замечание недоброжелателя: "Антропософы как хлысты, у них даже своя богородица есть для радений". (Это было сказано, когда пошли слухи об эвритмии). Это, конечно, глубоко неверно, потому что нет может быть большей противоположности, чем между антропософией и хлыстовством. Да и сама Клавдия Николаевна больше чем далека от какой бы то ни было экзотичности. Но роль Клавдии Николаевны как некоего "душевного центра" здесь, пожалуй, подмечена верно. Позднее многое изменилось, когда А.Белый как бомбой взорвал гармонию дома Васильевых, и эта бомба детонировала среди окружающих людей. Но я пишу об Антропософском Обществе начала 20-х годов, когда эта гармония была в полной силе, и свет ее светил многим душам. Вспоминаются наши вечерние, верней - ночные возвращения из Общества. С Кудринской площади по Смоленскому бульвару топает наше Пречистенско-Арбатское землячество. Посреди бульвара между сугробами вьется протоптанная пешеходами дорожка. Кругом темнота, весь вечер мы мерзли или плакали от дыма, дома ожидает весьма скудный ужин и такая же полухолодная комната. Но нам весело, в душе подъем и от того, что только что было узнано, почувствовано, и оттого, что впереди - Клавдия Николаевна. Вот она - под руку с Петром Николаевичем; оба небольшие, легкие, складные. Они шутят, смеются. Петр Николаевич - чудесный человек, все его любят. Всегда веселый, улыбчивый, а главное - он муж Клавдии Николаевны, ее друг и защитник(23). За этой легконогой парой - другая, более солидная и крупная: сестра Клавдии Николаевны Елена Николаевна, высокая, красивая, и ее муж Сергей Матвеевич Кезельман(26). Внешне очень ладная пара, но мне уже известно, что между ними внутренней гармонии нет. Но для обоих Клавдия Николаевна - предмет нежной любви и восхищения. На Смоленской площади прощаемся. Они идут направо по Плющихе, а остальная свита расходится по своим арбатско-пречистенским переулкам. Незабываемые встречи, забываемые вечера!

Кроме упомянутых трех лиц, кружки начинающих вели и другие члены Общества. Выдающуюся роль среди них играл Михаил Павлович Столяров - литературовед, критик и переводчик(27). Он печатался в тогдашних журналах и, конечно, владел словом. Но я затрудняюсь что-либо сказать о нем, так как странным образом у меня не было с ним никакого "контакта": что бы он ни говорил - в Обществе или на лекции - я его просто не понимала. И вовсе не из-за какой-либо особой сложности или "заумности" его слов - это как раз не могло бы меня отпугнуть. Он говорил как будто просто, но меня начинало неудержимо клонить ко сну. Иногда, особенно на собраниях в Обществе, это было сущей бедой: все усилия уходило на то, чтобы неприличным образом не заснуть. И не от скуки, конечно. Назвать его выступления скучными было бы в высшей степени несправедливо. Его ценили очень серьезные и взыскательные люди - Вера Оскаровна с ним дружила, Клавдия Николаевна - тоже. И молодежь из руководимых им кружков очень к нему тянулась, искала его общества. Он был несомненно очень авторитетным членом Антропософского Общества, одним из "старших", даже не имея ореола личного знакомства со Штейнером. Было бы очень хорошо, если бы кто-либо из его тогдашних учеников поделился своими впечатлениями о нем, как о человеке и антропософе несомненно незаурядном. Это могло бы дать более объективный его образ, так как мои суждения о нем, очевидно, не могут быть свободны от предвзятости.

Кружок вела и Лидия Васильевна Калининна, педагог, методист дошкольного воспитания, очень ценимый специалист в своей области. У нее был своеобразный состав кружка: 5-6 очень молодых 20-ти летних девушек разных профессий и среди них - два человека

весьма солидного возраста: моя мама Нина Петровна Жемчужникова, ей было тогда за 50 лет, домохозяйка без специальности, и приблизительно того же возраста Николай Павлович Чернявский, юрист. Несмотря на это, кружок был очень дружный, сплоченный и между собой и вокруг своей руководительницы.

Совсем особое место в Обществе принадлежало Маргарите Васильевне Сабашниковой(28). Этому способствовало и обаяние ее личности, а особенно ореол долголетнего пребывания в ближайших к Штейнеру кругах, участие в Дорнахской стройке. В ней мы видели живую связь с Дорнахом, со Штейнером, с антропософией с самого ее зарождения, когда еще не существовало нашего Общества, одной из учредительниц которого она была. В своих Воспоминаниях, вышедших уже в конце ее жизни в Штутгарте на немецком языке, она рассказывает о своей работе в Москве в эти годы - 1917-22 гг. Я очень мало видела ее лично, первые два года - 1917-19 гг. я еще не была членом Общества, а кружок начинающих проходила не у нее, а у Бориса Павловича. Зимой 1919-20 гг. она тяжело болела сыпным тифом и на собраниях Общества не бывала. Весь 1921 год она жила в Петрограде, а по возвращении в 1922 году скоро уехала за границу совсем. Но она совершила огромной важности дело: принесла нам эвритмию. В ее эвритмическом кружке я лично не участвовала опять-таки по своему "периферическому" тогда положению в Обществе. Но получилось так, что встреча с эвритмией, верней с Маргаритой Васильевной в эвритмии, стала одним из сильнейших, ярчайших и всю жизнь незабываемых впечатлений тех лет. Было так. На Рождественском собрании, вероятно 1920-го года, выступил эвритмический кружок, руководимый Маргаритой Васильевной. Была показана 2-ая глава Евангелия Луки: "В те дни вышло от кесаря Августа повеление..." (ст. 1-14). Начинающие эвритмистки знали только гласные звуки и выполняли их движениями рук. Так как согласных в каждом слове обычно больше, чем гласных, то для синхронного их исполнения требуется более быстрый темп. Кроме того, внутренняя жизнь читаемого текста выражается движениями ног, вычерчивающих на полу определенные формы. Это могла тогда только сама Маргарита Васильевна.

Эвритмистки - все в белом - стояли полукругом. Впереди, в центре эллипса, образуемого полукругом эвритмисток и дополняющим их полукругом зрителей, стояла Маргарита Васильевна.

Торжественно звучали хорошо знакомые слова, плавно текли воздушные движения белых фигур, освещенных мягким светом свечей на елке. А впереди - то была уже не Маргарита Васильевна, знакомая нам личность! Высокая, тонкая, оваянная белым сиянием покрывала, развевающегося от ее движений, она превратилась в белое пламя. Руки, вместе с хором стоящих сзади эвритмисток, выпевали гласные, а вся фигура трепетала и двигалась именно как пламя горящей свечи. Но это были не беспорядочные случайные трепетания свечи, горящей на ветру. Это была музыка, песня, исполненная высокого Смысла. Лицо, слегка поднятое вверх, свободное от всяких эмоций, отрешенное лицо в молитве или медитации. А все тело, в полной гармонии с развевающимся вокруг него одеянием, облегающим его, движущимся вместе с ним в едином звучании великих слов: "Слава в вышних Богу..." Это был действительно "священный танец", молитва, на миг ставшая зримой, живая музыка: "И родила Сына своего, первенца..." И какая же сила подлинного священнодействия была в этом зрелище, если теперь, спустя полстолетия, воспоминание о нем живет в душе, как свечка, зажженная в Вербную Субботу в храме и в ладонях пронесенная сквозь бури жизни. И светится в ней - благодарность.

В своих Воспоминаниях Маргарита Васильевна пишет: "После лекции (* Первая лекция из цикла об Евангелии Иоанна.) он подошел ко мне и спросил: "Смогли ли бы вы это

протанцевать?" Вопрос не удивил меня потому, что с детства я испытывала потребность "протанцевать" всякое глубокое переживание, а что Штейнер "все знает", - в этом я не сомневалась. Я ответила: "Я думаю, что можно протанцевать все, что чувствуешь". - "Но именно о чувстве и шла сегодня речь". Эту фразу он повторил и некоторое время постоял еще, смотря на меня, как будто чего-то ожидая. Но я ничего не спросила. Осенью того же года, после лекции о соответствии ритмов в космосе и в человеке, он подошел ко мне и сказал: "Танец - это самостоятельный ритм. Ритм танца ведет к праэпохам мира. Танцы нашего времени - вырождение древних храмовых танцев, через которые познавались глубочайшие мировые свершения". И снова он постоял около меня, как бы в ожидании, и снова я ничего не спросила. Я не понимала тогда, что слова Учителя всегда только намек, не затрагивающий свободу ученика. Чего он ждал, я поняла позднее, через 4 года, когда на вопрос одной ученицы он изложил основы эвритмии, нового искусства движения. Вопрос должен быть задан, тогда только он отвечал"(29).

Приходится горько пожалеть, что, Маргарита Васильевна дважды прошла мимо, не откликнувшись на призыв Штейнера послужить проводником эвритмии в мир. В руках Марии Яковлевны эвритмия пошла по пути искусства. Марии Яковлевне [фон Сиверс] принадлежит огромная заслуга в том, что эвритмия вошла в антропософскую педагогику и медицину(30). В руках педагогов и врачей она служит великому Общему Делу - освещению душ. Но священнодействием, "священным танцем", предназначенным нашей эпохе, она не стала. А ведь именно об этом высочайшем назначении эвритмии говорили слова Штейнера, обращенные к Маргарите Васильевне. Мне же через нее были даны эти незабываемые минуты, о которых я могу сказать только перефразируя слова Зеленой Змеи (из гетевской Сказки), которые сама Маргарита Васильевна поставила эпиграфом к своим Воспоминаниям: "Я была в Храме, я видела священнодействие..."(31). За это ей моя благодарность и глубокий поклон.

В ряду самых ранних и ближайших учеников Штейнера встает еще одно имя - Ольга Николаевна Анненкова. Ее престиж стоял очень высоко. Ведь именно ей Штейнер дал право "гаранта", т.е. право принимать в Общество. Кроме нее, таким правом обладал только Борис Павлович Григоров. (Вероятно, были и другие, например в Петербурге, но я говорю только что знаю о московской группе). Может быть потому, что ею был сделан перевод книги "Христианство как мистический факт и мистерии древности", для меня с ее именем связалась атмосфера мистерии, атмосфера "эзотерической школы", в которой она, как это было известно, участвовала в Дорнахе. Но в ней при этом был какой-то особый налет, которого не было у других, о которых было тоже известно, что они - участники этих особых эзотерических занятий Штейнера. Это был налет какой-то отделенности от окружающих. Голову она держала несколько склоненной, поэтому взгляд получался как бы исподлобья, неоткрытый. Может быть, ее связи с литературным миром - Бальмонт, Вячеслав Иванов, Волошин, вероятно и другие знакомства из того же круга, сообщили ей этот налет своеобразного снобизма. Собеседником она была интереснейшим, особенно в объяснениях древних легенд и мистерий в их оккультно-мистическом значении. В этой области, как видно, у нее были большие знания. Но в общем ее образ оставался для меня как бы "зашифрованным", но странным образом, без особого желания его "расшифровать". Я проходила мимо нее "сторонкой". Среди наших "старших" очень заметны были еще двое: Михаил Иванович Сизов и Трифон Георгиевич Трапезников(32) - оба "дорнахцы", участники Дорнахской стройки и Дорнахской "эзотерической школы" Штейнера. Внешностью оба очень "европейцы", но по внутреннему существу - противоположности. Михаил Иванович - с юности сподвижник А.Белого, еще со времен "аргонавтов", затем Мусагета. По образованию - естествовед, а по склонности - знаток самой разнообразной оккультно-мистической литературы - печатной и сохраняемой в тайне. Так как "изучение" подобных вещей во многих случаях требует личного участия в

тех или иных кругах, то ему случалось "бродить по тропинкам", оставляя на время магистраль антропософии, которую он однако никогда не упускал из своего кругозора. Маяком ему была - личность Штейнера, к которому он питал прямо-таки женственную нежность. Позднее я с ним ближе познакомилась и могла за этой некоторой зыбкостью его душевного облика почувствовать крепкий стержень духовного благородства и настоящей человеческой доброты. Даром слова он не обладал, говорил медленно и как бы затрудненно. В его высказываниях мне часто многое оставалось непонятным. Он говорил как думал, не заботясь о популяризации своей мысли, а я тогда по своему уровню слишком далеко отстояла от глубины его эрудиции. Держался он очень просто и дружелюбно, но тем не менее на всем его облике лежала печать какой-то значительности, отнюдь не назойливой, но притягивающей внимание. Высокий, красивый, для женских сердец неотразимо обаятельный и сам к ним весьма и весьма чувствительный, он вместе с тем казался каким-то пришельцем издалека. Его легко можно было представить себе в торжественном одеянии жреца. Но и в самом обыкновенном пиджаке, входя в комнату, он вносил с собой атмосферу "инобытия", в котором чувствовалось нечто очень важное и немного загадочное.

Один человек, очень проницательный и хорошо его знавший, сказал как-то: "Михаил Иванович - прекрасный рыцарь, но вместо сердца у него сливочное масло". В устах этого человека слово рыцарь означало гораздо больше, чем простая историческая метафора. Оно означало высокую духовно-мистическую сущность, в духе, например, Парсифаля. И если в его глазах "сливочное масло" в сердце (большой порок с его точки зрения), тем не менее, не разрушало в нем "Парсифаля", то этому можно поверить.

Такое же впечатление значительности "инобытия" сопровождало и фигуру Трифона Георгиевича Трапезникова, но совсем по-иному. Тоже один из самых ранних учеников Штейнера, участник Дорнахской стройки. По специальности искусствовед, учился и получил звание в Мюнхене (его дипломная диссертация на немецком языке встретилась мне в архиве Веры Оскаровны; я отдала ее в библиотеку Музея изобразительных искусств им. Пушкина)(33). Наружность и вся вообще манера держаться были примечательны. Среднего роста, двигавшийся и говоривший с каким-то неторопливым изяществом. Первое, что приходило на ум при виде него: "вот европеец, европеец с головы до ног"; европейская культура, казалось, просто источалась от него, и никакие валенки и немислимые шапки (20-е годы!) этого погасить не могли.

Хочется привести здесь отзыв Фед. Степуна в его воспоминаниях "Бывшее и несбывшееся" (вышли в Нью-Йорке в 1956 г.):

"...Трифон Георгиевич Трапезников, талантливый историк искусств, нервный, тонкий, всегда изысканно одетый человек, с подлинно аристократической, несмотря на купеческое происхождение, внешностью. За эту внешность известный читалкинский остряк Борис Эммануил при каждой встрече неизменно называл его "Три-фон-Трапезников".

И дальше, при описании вечера с танцами: "аристократический Три-фон-Трапезников не танцевал, т.е. не прыгал и не крутился. Под размеренно мелодичные звуки па-де-катр или миньон, он с неподражаемым старомодно-декадентским изяществом ритмически прогуливался по залу с самую изящною дамою вечера"(34).

Но главнее всего было его лицо. Мне оно казалось похожим на лицо Доктора. Не внешним сходством (его не было), но какой-то "проработанностью" всех черт, той глубоко скрытой и в то же время ни от кого не таимой внутренней жизнью, которая так пленяет в лице Доктора. Значительность - вот чем веяла вся эта фигура, просвечивала в

этой сдержанности и спокойном достоинстве. Говорил он очень мало, в беседах по поводу прочитанного материала - почти никогда. Кружка никакого не вел, что делали почти все наши "старшие". Но сам читал текст т- изумительно. Самая запутанная фраза (а русские переводы были у нас частенько прескверные) становилась прозрачной, вы схватывали в ней ее суть, ее главное, и оно оказывалось драгоценным. Одно его присутствие на наших собраниях внушало мысль об их значительности ("эзотеричности", - сказала бы я теперь, тогда это слово мне в голову не приходило), чем самые блестящие и действительно иногда интереснейшие речи наших говорунов.

Одна из первых эвритмических постановок под руководством Маргариты Васильевны была первая сцена из Фауста - читка текста в сопровождении эвритмии (она повторялась и после отъезда Маргариты Васильевны). Читать "роль" Фауста всегда поручалось Трифону Георгиевичу. Он надевал берет - и вы видели перед собой Фауста, все узнавшего, через все прошедшего и ничем не насытившегося - Человека с большой буквы. Таким было его лицо, освещенное настольной лампой.

Он работал в Отделе охраны памятников искусства и старины и пользовался там большим авторитетом. Он был тяжело болен, в 1922 или 23-м году уехал в Германию и там в 1926 году умер.

Его жена Любовь Исааковна, урожд. Красильщик, музыкантша. Добрейшее существо с прекрасными глазами библейской Рахили. В молодости она училась музыке в Дрезденской консерватории. Там они и встретились, и поженились. Гармонии не получилось, слишком они были разные люди. Брак был недолговечен. До конца жизни (в 60-ых гг.) она дружила с Клавдией Николаевной. Кроме антропософии их очень сближала еще и любовь к музыке.

В круг московских антропософов "первого призыва" входит и Алексей Сергеевич Петровский(35). Близкий друг А.Белого, вместе с ним прошедший весь путь от "аргонавтов" до Дорнаха. Упоминания о нем встречаются в ряде сочинений А.Белого. Я мало что могу сказать о нем, лично я с ним почти не общалась. Препятствием явилось то, что он довольно сильно заикался, а я никак не могла преодолеть мучительного чувства от его трудных усилий, которых ему стоило всякое слово. Те же, кому удавалось с ним разговориться, находили, что в дальнейшем разговоре заикание почти пропадало и в его словах всегда были и глубокие знания, и большая сердечная теплота. Он был большим книголюбом и всю жизнь проработал в Ленинской библиотеке. В Обществе он тоже ведал библиотекой. На все вопросы он давал всегда исчерпывающие ответы. Если он чего-нибудь не знал в данный момент, он в следующий раз непременно приносил точный и детальный ответ - как по существу содержания тех или иных книг, так и справки библиографического характера. Сердечная дружба связывала его также с Клавдией Николаевной и всем ее кругом. Скромность была, кажется, его отличительной чертой. Клавдия Николаевна как-то смеясь сказала: "Алеша говорит, что когда его хвалят, ему кажется, что его обливают теплыми помоями". Мало кому придет в голову такое сравнение! Он умер в конце 50-х годов, и его жена, много моложе его, сохраняет о нем трогательную, нежно благодарную память.

Входя в Общество, я, конечно, прежде всего, искала ответов на "загадки-бытия" и, находя их в щедром изобилии в сочинениях Штейнера, была счастлива. Но вместе с тем, важнейшее значение имели для меня и люди, в которых эти идеи жили. Чтобы почувствовать себя в их среде дома, среди родных, нужно *доверие*. Оно только и дает душе счастливую свободу дыхания. Для этого доверия мало одной интеллектуальной высоты, нужно ощущение моральной чистоты атмосферы. И в Обществе были люди,

самое присутствие которых служило как бы ручательством: "да, здесь чисто, здесь веет дух добра". Такова была прежде всего Екатерина Алексеевна Бальмонт(36). В первый же раз взглянув в ее лицо, я всей душой к ней потянулась, но... за все время ни разу с ней не заговорила. В этом лице - оживленная, открытая готовность пойти к вам навстречу, ответить - именно ответить, ничего не требуя и не ожидая, а в полной вашей свободе. *Добро-желательность* - в точном этимологическом смысле слова - была в ней господствующим выражением. Но как я могла с ней заговорить? Она всегда была окружена людьми, явно к ней близкими, как могла я "вломиться" в этот круг? В ней самой, вместе с полной простотой и открытостью было что-то величественное, может быть, самая ее наружность этому способствовала. А вернее - в этом сказывалось богатство содержания ее внутренней и внешней жизни, о котором я - тогда 20-летняя девчонка - могла только догадываться. С ней было связано яркое имя Бальмонта, а я из-за какого-то ребяческого самолюбия чуралась знакомства со "знаменитостями". Еще до встречи в Обществе я слышала о ней от Надежды Николаевны Нотгафт, которая знала ее с юности по семье Сабашниковых (Маргарита Васильевна Сабашникова - родная племянница Екатерины Алексеевны). Она отзывалась о ней с почтительным восхищением, тоже как младшая о старшей. И я, не заговаривая с ней, радовалась ее появлению и всегда мысленно с ней здоровалась: "Здравствуйте, Екатерина Алексеевна!" И старалась по возможности сесть сбоку так, чтобы ее видеть, насколько мое буржуазное воспитание позволяло "пялить глаза" на кого бы то ни было.

Вторым таким же "ручательством добра" в Обществе была Людмила Вячеславовна Кафка - жена Михаила Ивановича. В наружности ее тоже была своеобразная не внешняя, а идущая изнутри величавость, но совсем в другом роде, чем у Екатерины Алексеевны. В чертах лица Екатерины Алексеевны не было ничего специфически русского - темные глаза, удлинённый овал лица - это была очень европеизированная наружность, несмотря на ее чисто русское происхождение. У Людмилы Вячеславовны, напротив, главным были именно русские черты ее лица и всей манеры держаться. У Екатерины Алексеевны была подтянутая, даже в этом, уже пожилом возрасте, очень прямая осанка. У Людмилы Вячеславовны, напротив, в ее фигуре, несколько полноватой, и движениях преобладала мягкость. Широкое открытое лицо, серые глаза, ласковая улыбка большого красивого рта - все это было даже не столько русское, сколько скорей вообще славянское. Ее чешское имя необычайно шло ей, полностью сливаясь со всем ее обликом. "Чешская королева", - сказал о ней кто-то. Это было метко сказано. Позднее я с ней ближе познакомилась (в другом, не антропософском кругу) и могла убедиться, что первое впечатление излучаемой всем ее существом доброты не было обманчивым. Доброта - не просто как некое собственное чувство, а доброта самоотверженная, т.е. всегда активная, деятельная, была, пожалуй, ее главным свойством. Движение - помочь было ее первым естественным побуждением. Вероятно именно поэтому в ней совсем не было той практической беспомощности, которая считается традиционной чертой российского интеллигента. Оказавшись в гиблой дыре - нарымской ссылке - она завела корову. Некоторые, знавшие ее, потряслись: Людмила Вячеславовна - "чешская королева" - и корова! Да, была корова, потому что в тех условиях это было практически верным способом спасения и себя, и тех, кому можно было помочь. А когда удалось перебраться в другие условия - в город Калугу - нашлось и другое практическое средство - уроки немецкого языка. Когда она в 30-ых годах приехала в Калугу, она была совершенно одинока: не только в этой самой Калуге, но и в Москве у нее в то время никого близких - родных и друзей - не было: одни умерли, другие уехали, третьи были разбросаны по ссылкам. Но ее сердце не могло оставаться пустым. И с семьей, где она поселилась, создалась крепкая связь на всю жизнь. Она так сжилась с ними в самые тяжелые военные и послевоенные годы, что действительно стала у них "второй бабушкой". В первый раз я побывала у нее в конце 40-ых годов, когда я еще не могла жить в Москве, но уже работала и приезжала в отпуск. Рассказывая о своей

жизни, она между прочим сказала: "А читаю я теперь только детские книжки и Евангелие". На мой вопрос - не надо ли ей привезти что-нибудь из книг Доктора, она ответила как-то особенно задушевно, понизив голос: "Нет, не надо. Я помню все, что надо помнить, а о книгах пришлось бы говорить с Ольгой Николаевной, мне этого не хотелось бы, это ее может огорчить". Та была очень верующая православная. Но, как видно, и это "расхождение" не могло подорвать соединившую их связь любви. Она умела хранить и старую любовь. Поэтому, вероятно, и ее старые друзья оставались ей верны. Так, даже Михаил Иванович, который за протекшие 30 лет был еще дважды женат, в последние годы жизни (он умер в 1957 году) несколько раз был у нее в Калуге. "Он здесь всех очаровал", - сказала она с невыразимо прекрасной улыбкой и глаза ее светились. Да, этот человек обладал особым "чарованием" и до конца своей 80-летней жизни его сохранял. Я не видела его в эти последние годы, но была на похоронах, и, судя по тому, что говорилось его сослуживцами (он работал в какой-то научной редакции), "прекрасный рыцарь Парсифаль" жил в нем и был виден окружающим, ни о каких Монсальватах не помышляющим. Может быть, здесь интересно вспомнить отзыв Блока (в письме к матери 28 сентября 1907 г.): "Еще приходит иногда Борин друг - Сизов... очень серьезный и значительный человек".

Кончина самой Людмилы Вячеславовны была светлая. В канун Троицына Дня (1966-го или 1967-го года - точно не помню) она под вечер уснула. Проснувшись очень светлая и тихая и сказала: "Я видела хороший сон, завтра я умру". - "Я порадовалась, - говорит Ольга Николаевна, - что она так хорошо поспала, а на "умру" и внимания не обратила". А она стала готовиться совсем по-русски: вымылась в ванне (у них в то время уже была хорошая благоустроенная квартира), сменила все чистое. Ночь спала очень спокойно, утром они поздравили друг друга с праздником. Потом она встала и пошла умываться, а выходя из ванной, на пороге упала. И умерла в тот же день, не приходя в сознание. Смерть ее так потрясла Ольгу Николаевну, что она буквально нервно заболела: никого не хотела видеть, ничего делать, повторяя: "Как же я буду жить без Людмилочки, как же я буду жить без нее?" Не прекрасный ли это Реквием более чем 80-летней жизни? Ольга Николаевна так и не оправилась от этого удара. Она очень тосковала, болела и через 2-3 месяца в том же году умерла.

Расскажу еще один эпизод, совсем пустяковый и смешной, но он почему-то довершил во мне чувство, что здесь, в Обществе, я нахожусь в родственной мне среде, как бы дома, на родине.

Однажды перед очередным собранием, когда еще не все собрались, вошло новое лицо: молодая девушка, высокая, тонкая, очень хорошенькая. Но она, видно, не была здесь новичком. Поговорив с тем, с другим, она отошла к расставленным стульям и вдруг - села на пол! Не потому, что не было мест, свободных стульев было достаточно. Нет, просто так. Вот захотела и села на пол! Сделала она это удивительно красиво, одним плавным грациозным движением. Я разинула рот, но не подавая вида потихоньку осматривалась - как же реагируют присутствующие? А никак! Полная свобода - захотела сесть на пол - пожалуйста! Экстравагантно? Конечно, - но это не причина "пялить глаза" и хихикать. "Здесь можно быть чудаком", - не сказала себе сознательно, но почувствовала я. И ужасно мне это понравилось! Дух свободы в идеях антропософии повеял духом свободы и в отношениях людей. Смешной эпизод и, конечно, не он сам породил такое чувство. Оно уже было и росло во мне, а этот случай только послужил, так сказать, "последним мазком", толчком к осознанию. Мне сказали потом, что это - Мария (Магдалина) Ивановна Сизова, сестра Михаила Ивановича(37). Она была женой Викентьева (историк-

египтолог), тоже члена Антропософского Общества, но, кажется, в то время уже разошлась с ним. Она училась в театральной студии (не знаю - какой именно). Этим, вероятно, и объясняется как самое желание сесть на пол, может быть, выполняя какое-то "учебное задание", так и грациозность этого движения.

ДРУЗЬЯ И АНТРОПОСОФСКАЯ РАБОТА

Этим, пожалуй, завершается круг известных мне московских антропософов "первого призыва". Нас, антропософов второго поколения было, конечно, гораздо больше. И существовало много кружков и групп, объединившихся очень индивидуально для различных занятий. Помещение Общества - одна, хотя и большая комната, - не могла, конечно, вместить всех. Здесь происходили общие собрания - еженедельные, особые праздничные и другие; большинство же кружков занимались на дому, где позволяли жилищные условия того времени. Эти, большей частью небольшие по количеству участников, кружки очень сближали, в них завязывались крепкие индивидуальные связи. У каждого из нас была своя "встреча с антропософией", но здесь происходило некое общее событие - "встреча в антропософии". И такая встреча выливалась часто в близкую дружбу на всю жизнь. С Верой Оскаровной, кроме антропософских занятий, где она была дающим, а я получающим, нас сблизила сама жизнь, вплоть до семейных и бытовых переплетений. Кружок же, где встреча в антропософии происходила, так сказать, "на равных", состоял, кроме меня, из четырех человек: Марк Владимирович Шмерлинг, Александр Владимирович Уйтгенховен, Елена Германовна Ортман и Сергей Матвеевич Кезельман. Мы собирались у Елены Германовны, она жила вдвоем с матерью и из прежней обширной квартиры у них сохранились две комнаты. Здесь была печка, которая хорошо грела и не дымилась - большое благо в те годы. Здесь мы читали циклы и вели нескончаемые обсуждения прочитанного. Всем участникам было свойственно чувство духовной свободы и создавалась атмосфера, в которой каждый мог высказывать все, что ему было интересно или лично дорого, не натываясь ни на какие препоны. Беседы велись очень оживленно. Застрельщиком всегда выступал Марк. Активность - всегда и во всем - яркое свойство его натуры. Изучать - для него никогда не было просто воспринимать, усваивать; по поводу прочитанного он всегда был полон идей, соображений, сопоставлений; иногда слишком фантастических. Но его "догадки", не всегда убедительные, были согреты яркой эмоциональностью, свойственной его натуре, а потому непременно вызвали в ответ не простое отрицание, а желание самому активно продумать его мысли с тем, чтобы или обнаружить их несостоятельность или принять. Он умел думать и умел говорить и был поэтому всегда интересным собеседником.

Александр - полная ему противоположность. Из нас он был несомненно самым "знающим" как в смысле начитанности в духовно-мистической литературе, так и по своеобразию собственного духовного опыта. Раньше он был теософом и даже членом "Ордена Звезды". Встреча с А.Белым решила и его судьбу: он стал антропософом решительно и без колебаний. Однако дыхание восточной мудрости осталось в нем живым и окрашивало все его мировосприятие. Снаружи это выглядело как пассивность, созерцательность, но только снаружи - на самом деле и ему был свойствен "накал страстей", но только он был сдержан волей и глубоко запрятан вглубь. Внешняя же, иногда довольно беспорядочная эмоциональность, которая часто увлекает за собой и мысль, заставляя ее проноситься по поверхности там, где есть и глубины и пропасти, такая эмоциональность, которой зачастую отдавал дань Марк, была ему чужда и вызывала насмешку. Скепсис и ирония вообще были его "мундир". Но в сфере познавательной он был глубоко серьезен и требователен. Он требовал конкретности духовной мысли, не

терпел расплывчатости. Именно в этом он был больше всего антропософом-штейнерианцем и учеником А. Белого. Он любил афоризмы и парадоксы. Марк же больше любил "излагать и доказывать". Но наша общая любовь - антропософия - сближала и их и делала друзьями, несмотря на происходившие между ними нередко стычки.

Мне была свойственна склонность к анализу; и хотя это зачастую не нравилось и тому и другому - каждому по-своему - но это давало мне возможность выявлять крайности и "заскоки" и утверждать что-то общее. А мне было необходимо в то время культивировать эту способность анализа потому, что я одновременно участвовала в семинаре по Гегелю у проф. Ильина(38). Сильнейший мыслитель и красноречивейший оратор - он просто как бурей увлекал за собой. Но увлекал-то - в пропасть той гегелевской "логической объективности", которая, подменяя собой живую духовную реальность, начисто отрезает тем самым путь к ней. И мне надо было постоянно внутренне сопротивляться этому нажиму, противопоставляя ему то, что было уже найдено в антропософии, но находить для этого формулировки, приемлемые в обстановке философского семинара. Конечно, я не могла и не хотела выступать там с изложением антропософских идей; я только задавала вопросы. Иван Александрович Ильин ценил мои вопросы потому, что они давали ему повод для подробнейших разъяснений своих идей, но, конечно, их скрытая установка была ему ясна. И предметом моей гордости - и вместе с тем сожаления, потому что занятия эти были чрезвычайно интересны - было то, что на следующий год Ильин меня не пригласил (в университете в то время занятий на нашем факультете не было, и свой семинар Ильин вел совершенно частным образом - "privatissime", как он говорил - в кругу лиц, ему лично знакомых). И объяснил причину: "Ей здесь делать нечего, она безнадежно застряла в "штейнерианстве"". Но в занятиях нашего кружка эта философская тренировка в то время не была лишней.

Елена Германовна, напротив, вносила в наши собеседования более лирическую нотку - соответственно женственности всего ее облика, - внешнего и внутреннего. Ей был свойствен также мягкий ласковый юмор, весьма кстати действовавший и на сарказмы Александра и на "воспылания" Марка.

Сергей Матвеевич большей частью ничего не говорил. Но он очень любил и ценил всяческую "игру ума" и тихо любовался нашей увлеченностью. А еще больше - самой Еленой Германовной. Между ними начиналось тогда сближение, которое впоследствии принесло Елене много горя, стало для нее причиной настоящей трагедии. Но в то время и в той обстановке тепло человеческого чувства (вместе с теплом печки!) сообщало нашим встречам окраску уюта и задушевности. И несмотря на большие несходства характеров, мы хорошо сдружились. Для меня - фактически на всю жизнь. Кроме Сергея Матвеевича, которого я по возвращении в Москву уже не застала в живых, близкие дружеские связи с остальными членами кружка продолжались: с Еленой до ее смерти в 1955 году, с Александром - до его смерти в 1965 году. С Марком - по сей день, и никакие внешние препятствия и разлуки не могут их разрушить.

В этом составе мы занимались два года. А затем возникла идея - нам самим выступить в роли руководителей кружка начинающих, преимущественно из молодежи еще более юной, чем мы сами. Елена Германовна и Александр уклонились, а мы трое взяли очень рьяно. Чтобы подготовиться к этой ответственной роли, мы решили прежде всего сами проработать книгу "Теософия", читая ее страница за страницей, обдумывая возможные вопросы и решая, какой еще дополнительный материал из других книг и лекций надо привлечь, что и как комментировать и пояснять.

Это была очень увлекательная и полезная для нас самих работа. Проработав таким образом больше половины книги (на это ушла целая зима), мы решили, что со следующей осени можно начинать кружок. Но - встретилось препятствие, совершенно для нас неожиданное: наши "старшие", наиболее близкие нам - Михаил Павлович и Клавдия Николаевна - сказали, что они против того, чтобы Марк вел вступительный кружок, что он несдержан и слишком субъективен, увлекается, забывая об ответственности, и проч. Аргументы неубедительные и несправедливые, Марк даже готов был считать, что истинная причина в недостаточной почтительности, проявленной им в каком-то выступлении. Оглядываясь теперь назад, я думаю, что это, конечно, неверно и истинная причина рождалась из чувства ответственности, может быть, иногда и гипертрофированного, свойственного нашим "старшим". Но тогда я кипела и склонялась к радикальному решению: не послушаться! Общество было только что закрыто, мы теперь каждый за себя несем ответственность перед антропософией. И никакие посредники, превращающиеся в средостения, не нужны. Но Марк, хотя и был очень расстроен таким недоверием к нему, нашел в себе силу подняться на более высокую и самоотверженную позицию (чем и доказал, вопреки мнению о нем, свою духовную зрелость). "Нет, - сказал он. - Ариман(39) всячески стремится нас разобщать, для того и Общество закрыто. Тем сильнее должны мы держаться за нашу внутреннюю духовную общность. Клавдия Николаевна и Михаил Павлович ведь и в Обществе никаких "административных" прав не имели. Их авторитет - авторитет духовный. И таким он и остается. А наша духовная сплоченность гораздо важнее всяких личных обид. Я не могу поступить вопреки их воле". Он был прав, конечно, и я это признала. Но как же быть? Выходило, что говорить в кружке, отвечать на вопросы и проч. придется мне одной! Сергей Матвеевич был очень полезен при предварительной проработке текста, внося нотку хорошей жизненной трезвости. Но говорить среди этих юных слушателей он не будет. Я же не чувствовала себя способной одна взять на себя эту задачу. Отказаться? Но мы так сжились с мыслью о кружке, так много уже вложили в его подготовку! Остановились на компромиссном решении: всю подготовку занятий будем проводить вместе, а на собраниях кружка Марк участвовать не будет. Это требовало от него большой самоотверженности и подлинно бескорыстной любви к антропософии. Конечно, он мог доверять мне, что его мысли будут донесены до слушателей бережно и неискаженно. Но ведь как дорого личное общение, как дорог непосредственный отклик слушателей на то, что ты им даешь! Его лишили этой радости, но он - устоял! Это очень подняло его в моих глазах.

Кружок собрался и прозанимался всю зиму 1923-24 года. Состав его был действительно очень юным. К сожалению, не помню ни одной фамилии. Было трое скаутов. Скауты - не просто спортивная организация, в ней всегда был большой идейный заряд морально-религиозного характера. Теперь, в новых условиях, эта англиканско-протестантская мораль многих не удовлетворяла. Их организация тогда тоже была только что уничтожена(40). Те, кто не принял атеистической советской идеологии, искали новых духовных идеалов. Один из них - явно вожак, при нем два "адъютанта" - был наиболее интересен. Студент зоолог, он уже кое-что читал из оккультно-мистической литературы, но не хотел это обнаруживать. Но в его вопросах этот специальный интерес проскальзывал. В отдельных с ним разговорах он прямо сказал, что хочет найти способ ввести в свою научную специальность - зоологию, которой он был очень предан, методы и достижения оккультизма. Звали его Павел, фамилии не помню. По окончании наших занятий, я "передала" его Михаилу Ивановичу и больше с ним не встречалась.

Еще были у нас несколько человек из театральной студии, руководимой тогда Ю.А. Завадским(41), и кое-кто из литературно-поэтической молодежи, "завербованной" Александром (вероятно, через Сергея Спасского и Георгия Шторма, с которыми он был

таком)(42). В общем - публика живая и любознательная, с ними было интересно заниматься, но требовало немалой собственной работы. Этому кружку я многим обязана.

Приблизительно в это же время, кажется, в 1922 году, в Обществе возникло начинание, в котором Марк и я приняли большое участие. Инициатива принадлежала Вере Оскаровне. Мы говорили как-то о "Вольфиле" (расцвет Вольфила принадлежит Петрограду, в Москве она не привилась)(43). Она находила, что Вольфила слишком "академична" и "философична" и что теперь нужны другие, более "демократические" формы духовного общения, более широкие как по кругу вопросов, так и по составу участников. Она рассказала, что еще в дореволюционное время, когда она училась на Высших Женских Курсах, в Москве существовала чайная, куда приходили люди из самых разных слоев "простонародья", желавшие поговорить и поспорить о "вере" - сектанты различных толков, староверы и православные, толстовцы и одиночки - "искатели веры". Вот эту-то истинно народную, спонтанно возникшую традицию и следовало бы теперь, в новых условиях, подхватить, расширить и организовать - не по типу "академии" или "ассоциации", а скорее по типу "клуба", открытого для посещения и встреч людей любых духовных направлений. Идея очень понравилась - Антропософскому Обществу выступить инициатором. Как назвать? Клуб - не годится, хотя и соответствует по смыслу. Вера Оскаровна нашла формулировку - "вольное содружество". Так и решили: "Вольное Содружество духовных течений". Она же написала и устав, очень короткий, вернее - декларацию с приглашением принять участие. Подпись - "Инициативная группа". Прежде всего решили обратиться к толстовцам. Идея вполне соответствует их целям, а у них неопределимое преимущество - помещение Вегетарианской столовой в Газетном переулке. Оно достаточно просторно и часто используется для докладов, лекций и пр. Там и наше Содружество могло бы приютиться. Действительно, среди толстовцев идея встретила полное одобрение и содействие. Переговоры велись, главным образом, с Валентином Федоровичем Булгаковым(44). Чудесный, обаятельный человек, такая в нем жила сердечная теплота, душевная чистота, искренность и простота! Полная противоположность Черткову(45) - тот говорил всегда свысока и чувствовались в нем душевная жесткость и равнодушие. Кто-то сказал мне, что он в молодости был военным и служил в гвардии. Это в нем и осталось - гвардеец от толстовства! Очень приятен был и Шорох-Троцкий - весь какой-то тихий, кроткий, с глазами, сияющими добротой(46).

Обратились мы и к теософам. Я побывала у председательницы Теософского Общества - Софьи Владимировны Герье(47). Она была больна, лежала на диване, извинилась, что ей трудно сидеть. По поводу Содружества сказала, что, конечно, это очень хорошая и правильная идея и что она сообщит наш устав и наше обращение всем членам. Но за ее словами не чувствовалось никакого живого интереса, чувствовалось, что все это ей глубоко ненужно. Выходя от нее, я вздохнула свободно, как будто я вышла из склепа, где духовная жизнь спрятана глубоко, как в каменном футляре, и не хочет никакого общения и в нем не нуждается. В принципе я могла бы отнестись с уважением к такому затворничеству, но здесь было еще что-то невыразимо гнетущее, что вызывало жалость к ней лично.

Другим нашим партнером явился Христианский Студенческий Союз. Вот уж где не было ни следа "склепа"! Много солнца и свежего воздуха! Я не помню их вожаков, - переговоры с ними вела не я, а Марк, у него там были хорошие знакомые. Но я была раза два на их собраниях. Вера их была чиста и глубока, убежденность без примеси сектантства; здесь веяло духом свободы, открытости и благожелательства - как между собой, так и вовне. У них существовало обыкновение на собраниях рассказывать о себе, о своих переживаниях. В этом не было ни назойливости, ни стремления что-то утвердить,

навязать другим. Доверчивые беседы друзей - в них была иногда наивная восторженность, но в то же время глубокая серьезность. И как иначе? Ведь они хорошо

знали, на что идут: выступая открытыми противниками атеизма, они ставили под удар все свое студенческое и послестуденческое будущее. Так и было: их Союз был вскоре уничтожен, участники разбросаны по ссылкам. Это послужило причиной, решительного поворота в судьбе Марка: была сослана в Кустанай его невеста Татьяна Николаевна Ментова. Марк поехал за ней. Там они и поженились. Но это было потом, а тогда на наше обращение по поводу "Вольного Содружества духовных течений" они откликнулись очень живо. Правда, вступить в нашу Инициативную группу и подписать Обращение от лица своего Союза как организации они не захотели; участие в беседах Содружества предоставлялось личным интересам и желаниям членов. Многие ли из них посетили эти беседы - не знаю, ведь никаких записей и регистрации не велось.

Активными участниками бесед в "Содружестве" была молодежь из круга "анархомистиков". В то время существовали еще некоторые легальные объединения не только литературно-художественные и духовно-религиозные вроде нашего Общества, но и остатки политических организаций. Так, анархисты имели тогда легальную организацию с центром в Кропоткинском музее. Среди них было два течения: анархисты-коммунисты, или "кропоткинцы", и "анархомистики". (Необходимо иметь в виду, что это течение не имело ничего общего с тем "мистическим анархизмом", который в свое время проповедовал Г.Чулков(48). Эти сочинения не вызывали со стороны Солоневича ничего кроме насмешки.) Лидером этих последних был Алексей Александрович Солоневич - яркая личность, блестящий оратор, увлеченный и умеющий увлекать других(49). Вот как говорит о нем в своих "Воспоминаниях" один из его тогдашних учеников (Гориневский Георгий Валентинович - московский архитектор, жестоко пострадавший в лагерях. Воспоминания написаны им в последние годы жизни, после реабилитации. Он очень дружил с Александром. Умер в 1966 году): "Солоневич был сильным, активным человеком.

Выступления его, его лекции в аудитории Кропоткинского музея, сопровождавшиеся диспутами, были захватывающе интересны и остры. Его резкая критика марксизма приводила в ярость его оппонентов, бесспорно менее эрудированных, чем он. Они пользовались трафаретной пропагандистской литературой, демагогичной и поверхностной, пригодной для втирания очков людям, не умеющим самостоятельно мыслить. А он мыслил самостоятельно, знал и цитировал первоисточники. В своих лекциях он касался не только социологических вопросов, но и вопросов общего мирозерцания, громил церковников не менее остро, чем материалистов. Убедительность речей Алексея Александровича, его умение излагать свои мысли, логика и широта его взглядов привлекали к нему молодежь, и все его лекции проходили при до отказа переполненной аудитории". Далее Гориневский пишет: "В прошлом он был членом Антропософского Общества, от которого позднее отошел". Это верно, но слишком слабо сказано: он не просто "отошел", но резко порвал с антропософией и стал ее непримиримым противником, можно сказать - врагом. Всех людей он делил на три категории: физиков, психиков и пневматиков (греч. Пневма - дух). Первые живут интересами тела, вторые - интересами души и только третьим ведома подлинная жизнь духа. Штейнера и всех его последователей он относил к категории психиков и считал антропософию вредной, потому что она сбивает с пути духа, подменяя его путями души. На эту тему он не раз выступал очень резко. Но особенно враждебно он относился к ап. Павлу. О нем он написал большую работу, направленную, главным образом, против церковников. Но и антропософии там тоже доставалось. Он считал, что именно Павел "испортил" христианство, отравив его ядом юдаизма, завуалировал истинный образ Отца

Небесного, проповеданного Христом, подставив вместо него образ Иеговы. Отсюда - все грехи исторического христианства, нсей церковности, обращенной на служение земным целям и прежде всего целям земной власти. Солонович "громил" Павла так, как будто тот был его личным врагом и стоял вот тут, рядом, мешая ему проповедовать анархизм - на небе и на земле. Несмотря на многие блестящие страницы этой работы, в целом это сведение спознейшей темы церковного и нецерковного христианства к личности ап. Павла было неубедительно, даже просто смешно.

Солонович был фанатиком, но в нем не было того, что так часто является спутником фанатизма, не было деспотического желания во что бы то ни стало покорить, заставить следовать за гобой. Его анархизм, сливаясь воедино с его мистикой, как бы прокалил его духом свободы. Я не знаю никого, о ком можно было бы с таким же правом сказать: "Вот настоящий свободный человек, не подвластный ни страху, ни каким-либо иным давлениям ни в мыслях, ни в поступках". Настоящий служитель духа, свободный от личного эгоизма". Да, это был фанатик, но фанатик "чистой воды". И это внушало уважение.

После разгрома анархистов в 1930 году он исчез в лагерях. Дошел слух, кажется, довольно достоверный, что он погиб во время одного из нередких тогда лагерных бунтов. Зная характер Алексея Александровича, можно не сомневаться, что так оно и было. Бесследно исчезла в лагерях его жена и преданная сподвижница - Агния Анисимовна Солонович.

Солонович очень рьяно (как и все, что он делал) пропагандировал идею нашего Содружества в своих кругах. Оттуда приходили многие, конечно вне организации, а просто как заинтересованные посетители.

Толстовцы не обманули наших надежд: мы могли пользоваться помещением Вегетарианской столовой. Михаил Павлович Столяров сделал доклад об Анне Карениной (точного названия не помню). Успеха он не имел. И немудрено: он пытался изображать действующих лиц романа и события, как некую персонификацию внутреннего мира человека, отражение духовных переживаний и даже духовных существ, действующих в нем. Рационалистам-толстовцам такой подход был абсолютно чужд. Публика явно скучала.

Помню появление замечательной пары. Муж и жена - они жили в деревне, по толстовскому образцу, но почему-то не считались полностью толстовцами. В сандалиях на босу ногу, в каких-то немислимых хламидах, с котомками за плечами. Он - высокий, длинноволосый, с восторженным отрешенным лицом, она - маленькая, кругленькая, с очаровательной улыбкой. Они услышали о Содружестве и пришли рассказать о себе - "поделиться своей радостью", как он сказал. Они не говорили ни о каких моральных религиозных мотивах, побудивших их избрать толстовский образ жизни. Но им ужасно хотелось рассказать людям, какая это радость, счастье - жить в природе, среди деревьев и трав, с птицами и животными. Им так хотелось, чтобы окружающие почувствовали эту радость, разделили ее. И они находили слова и выражения - простые и доходчивые для рассказа о своей жизни, о работе в огороде, о жатве, о сборе ягод... И о полянке в лесу, куда они ходят молиться.

Не назойливо, очень интимно, но проскальзывало в их словах, а главное - в выражении лиц и улыбке, что им знакомо какое-то особое восприятие духовной жизни природы, даже духовных существ, живущих в ней. В этой "мистической" нотке они, вероятно, и расходились с ортодоксальными толстовцами. "Настоящий Феликс Бальде и Фелиция"(50), - думала я. Жалею, что не расспросила о них подробнее и даже не узнала их

фамилии. Еще одно явление - совсем в другом роде. Валентин Федорович привел и представил как гостя толстовцев весьма экзотическую личность - не то индус, не то перс, член какой-то мусульманской секты. Он хотел рассказать о своем учении, но из этого мало что получилось. Он говорил на плохом английском, переводчик - неопытный доброволец из присутствующих - плел нечто и вовсе невразумительное. Слушали внимательно, задавали "опросы, старались понять - экзотика импонировала. Но сумбур остался. Этот же человек появился и у анархомистиков. Солонович долго с ним беседовал, но тот ему не понравился: "Его идеи трафаретны и цели сомнительны", - сказал он и, насколько я знаю, никуда больше его не приглашал. Солонович собирался прочитать доклад: "Религия Льва Толстого". Доклад не состоялся: Содружество прекратило свое существование. Режим ожесточался. "Идеологическая борьба" все больше становилась делом административных мероприятий. Толстовцам приходилось туго, их ужимали всячески. Многие уезжали. Наш друг Валентин Федорович был на пороге отъезда, он уезжал в Прагу. Наконец, Вегетарианскую столовую закрыли. С тем вместе прекратило свое существование и наше Содружество - собираться было негде, а тайные конспиративные встречи противоречили бы самой его идее. Просуществовало оно не больше года, но несомненно это было живое, жизнеспособное зерно. Оно могло бы вырасти в очень нужную и близкую русским традициям форму свободного духовного общения. Но ему не дали прорасти, затоптали чуть проклюнувшийся росток.

ДВЕ ГРУППЫ

Это начинание было, пожалуй, единственным, оказавшимся возможным или, вернее - полувозможным в наших условиях проявлением того направления в антропософской работе, которое и это время набирало силу в Дорнахе. Там одна за другой появлялись организации, имевшие целью выход антропософии вовне, "выход в культуру", как гласил этот лозунг. Уже с 1919-го года успешно работала Вальдорфская школа, была создана терапевтическая клиника с онкологическим отделением, зарождалось движение "Христианской общины" и др.(51) Все больше появлялось лекций Штейнера, связанных с профессиональными интересами слушателей. У нас, конечно, какое бы то ни было практическое приложение антропософии было невозможно. Но во внутренней жизни Общества эта тема все больше выдвигалась на передний план. Одухотворение окружающей среды, одухотворение культуры, всех профессий и занятий, интересов и достижений. Это и есть миссия антропософии, без этого выхода в жизнь она догматизируется и засыхает в узкой келье личных переживаний. Для многих именно такое понимание антропософии становилось доминирующим. Но для некоторых оно было чуждо, казалось иногда даже профанацией того, что может жить только в глубине индивидуальной духовной работы.

Взаимное неодобрение становилось неприятным, и чтобы избежать духа полемики и не мешать друг другу, было решено разделить на две самостоятельные группы. Хотя мы были очень отрезаны от жизни Дорнаха, но все-таки кое-что доходило, прорываясь сквозь рогатки. Наше новое направление в значительной мере питалось новым материалом. Но и независимо от этого оно несло в себе внутреннюю закономерность развития антропософии, ее духовного импульса, принесенного в мир 20-го столетия. Намерение создать новую группу получило одобрение Штейнера, а на вопрос, каким именем ее назвать, последовал неожиданный ответ: именем Ломоносова. Маргарита Васильевна в своих Воспоминаниях иначе рассказывает о появлении у нас имени Ломоносова, относя его к первому моменту основания Общества в 1913 году. Получается, будто Общество было названо тогда именем Вл. Соловьева вопреки совету Штейнера. Но, по-видимому,

это аберрация памяти: не только у меня, но и у нескольких участников группы Ломоносова сохранилось четкое воспоминание, что это имя появилось только в связи с образованием новой группы(52). И хотя в первый момент оно действительно показалось неожиданным, но было принято без колебаний, как только немножко вдумались в значение личности Ломоносова в истории русской культуры. "Ведущими лицами" новой группы были Михаил Павлович Столяров, Клавдия Николаевна, Вера Оскаровна. В прежней группе, сохранившей имя Вл.Соловьева, руководителем остался Борис Павлович Григоров. У большинства из нас сведения о Ломоносове ограничивались рамками гимназического курса. Но Михаил Павлович очень детально изучил и биографию, и научную деятельность Ломоносова и сделал обширный и очень содержательный доклад о нем.

Наиболее запомнившимся событием в работе новой группы было создание так называемого "социального кружка". Как известно, основная работа Штейнера по социальному вопросу "Коренные идеи социального переустройства в настоящем и будущем. Трехчленность социального организма" - вышла еще в 1919 году(53). До нас она дошла значительно позднее. Она не была понята ни на Западе, ни у нас. Созданный в Дорнахе "Союз" по проведению трехчленности успеха не имел и был скоро распущен самим Штейнером. У нас те, кто первыми прочитал книгу, были в недоумении, не знали, что сказать. Заинтересованы же были все. Решили создать специальный кружок по изучению новой книги. Руководителя не было, так как никто не мог взять на себя этой роли. Выбрали председателя - Михаила Павловича и двух секретарей - Марка и меня - с наказом ввиду новизны темы как можно подробней записывать все, что будет говориться. Участников собралось много, желающие распределили главы и разделы книги, чтобы подробно отреферировать, продумать и поделиться своими соображениями. Вспоминая эти занятия теперь, я вижу, насколько все мы - и "старшие", и "младшие" - были одинаково беспомощны перед этой темой. Иначе и быть не могло. Только через опыт последующих десятилетий можно найти правильный подход к идее "трехчленности". Причем - опыт глобального масштаба, опыт "тоталитаризма" во всех его разновидностях. И у нас и на Западе этот опыт был еще впереди. А тогда и там, и тут могли исходить только из существовавшей действительности, и мысль была к ней прикована. Невольно и неизбежно впадали в ту самую ошибку, от которой Штейнер предостерегает на первых же страницах книги: "Те, кто приписывают ей (этой книге) характер утопии, не поняли ее основной цели".

"Трехчленность" - не утопия, не "построение", которое можно теми или иными мероприятиями "учредить", "установить". Идеи трехчленности содержат в себе *духовные принципы* социальной жизни человечества, а историческая действительность может быть понята как *процесс реализации* этих принципов. В фактах социальной действительности динамика движения вперед в соответствии с этими принципами сталкивается с силами, тормозящими это движение, отклоняющими его. Во множестве фактов и явлений современности прослеживается действие этих законов, этих духовных импульсов - в положительном и отрицательном направлениях. Ближайшая историческая веха на этом пути, составляющая задачу нашей эпохи, - автономная организация трех областей социальной жизни - экономической, государственно-правовой и духовной. Все социальные бедствия - результат нарушения их правильного "здорового" взаимодействия. Принцип организации всего живого, всякого живого организма - автономия составляющих его "членов" или функциональных систем, скажем - системы неравномозговой деятельности, системы дыхания и кровообращения, системы обмена веществ и пищеварения и проч. Каждая живет и действует по своим, свойственным природе ее функций, закономерностям. Тогда только и возникает между ними то гармоническое взаимодействие, в котором реализуется единство органической жизни. Так

живет биологический организм. Социальный же организм находится в состоянии хаотической спутанности. Каждая из его естественных частей - экономика и государство - стремятся подчинить себе другие, установить единство насильственно, путем диктата. Насилие провозглашает себя спасителем мира, покорителем социального хаоса. Жизнь отвечает все худшими и худшими катастрофами. Опыт этих катастроф - опыт нашей эпохи, опыт полу столетия, протекшего после выхода книги Штейнера. Только этот опыт может научить нас распознавать в окружающей действительности сквозь мрак и хаос пробивающиеся ростки будущего, те факты, в которых реализуются импульсы движения к трехчленности, как к социальному идеалу человечества. Только так понятным становится и великое всемирное значение русской социальной революции, этой ослепительной вспышки, этого могучего порыва русской народной души, предчувствие ее духовно-исторической миссии. И трагедия ее падения, плен ариманических сил, подмена духовного возрождения идеологией власти и насилия. Всего этого еще не было в нашем опыте людей 20-ых годов. И не было еще той силы ощущения *мировых* связей - экономических, политических, духовных - которая господствует и все усиливается теперь, во второй половине века. В этой "глобальности" всего совершающегося в мире складывается, так сказать, "материальный субстрат" единства человеческого рода. А тогда, напротив, господствовало ощущение безвыходной раздробленности. Немудрено, что мы беспомощно барахтались в этом хаосе, не в силах осознать действующие в нем духовные закономерности. Искали связей с действительностью - и не находили. Идеа-образ трехчленности вопреки нашим усилиям не связывался с действительностью, оставаясь той самой "утопией", от которой предостерегал Штейнер. Мостов между ними, путей перехода не было. Оставалось только добросовестно изучать содержание книги, реферировать и обсуждать, что мы и делали. Я принялась было переводить, но это была, конечно, попытка с негодными средствами. Сделанные несколько страниц я дала на просмотр Алексею Сергеевичу. То, в каком виде он мне их вернул - это были не поправки, а просто полная переделка - показали мне, что эта задача мне не по зубам. Я отступилась. Конечно, русские переводы есть, они не могли не появиться, они существуют. Но они сделаны в 50-х, 60-х годах. Кроме того, есть еще два, а может быть и больше переводов этой книги. Каждый делал их по своему собственному побуждению, без ведома друг о друге. Это одно уже не свидетельствует ли о жизненной актуальности, большой познавательной ценности этой книги именно в наше время? Но тогда все еще было по-другому.

Запомнилось еще одно, важное для меня, событие - три лекции А. Белого о Блоке. Но это было позднее, уже после закрытия Общества в период работы А.Белого над постановкой "Петербурга" и сближения его с М.А. Чеховым(54). Три вечера - три субботы - лекции читались в "Круглой комнате". М.А. Чехов жил тогда на Арбатской площади, на углу Никитского бульвара. Фасад дома, выходящий на площадь, - закругленный. Там и находилась "круглая комната", служившая для занятий руководимой Чеховым театральной студии. В ней же происходили и некоторые антропософские встречи. Комната была просторная, и на лекцию А.Белого пришло много народу. Не одни антропософы, было много совсем незнакомых мне лиц, но и антропософы были представлены достаточно полно. Для меня эти три вечера явились новой ступенью во внутренней жизни души, как бы сдвигом сознания. Говорю лично, потому что знаю, что не для меня одной, а для многих А.Белый в той или иной форме сыграл подобную роль. Я не могу теперь пересказать самого содержания лекций, они забылись. Но незабываемым осталось их действие. Я могу назвать его только так: новое открытие мира. Когда-то А.Белый уже открыл мне новый мир, мир поэзии. Теперь было нечто неизмеримо большее. Весь мир, все восприятие как бы повернулось на какой-то невидимой оси и открылось в новом ракурсе. Это был ракурс живого духа, живой духовной действительности. И стихи, о которых говорилось, становились прозрачными, за ними

бушевало пламя иной жизни - иногда ослепительные вспышки, иногда невыразимые бездонные дали, в которых душа узнавала свою родину и летела за взмахами рук того, кто эти дали показывал. Три недели, от субботы к субботе, душа жила счастьем этого открытия родины. А когда лекции кончились и я "очнулась", то почувствовала: я стала другая и мир вокруг - другой. Я побывала "где-то", услышала "зовы Вечности", но, вернувшись, душа нашла это вечное в преходящем и заново с ним породнилась. Я не вела дневников, но записала себе на память два слова: *Vita nova* и дату. Дата тоже забылась, но исследователи творчества А. Белого, вероятно, найдут в его архивах какие-то следы этих лекций. Но никакие записи, конечно, не дадут представления об их живом содержании. Как и всё лекции А.Белого, это была гениальная импровизация, всегда однако подчиненная живущему в ней высокому Смыслу, строгой духовной мысли.

Эти лекции сопровождались рисунками. Если они сохранились, то эти имажинации, вероятно, могут хоть сколько-нибудь дать почувствовать отразившуюся в них *жизнь духа*.

ЗАКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА

В 1922 году Маргарита Васильевна, а вскоре затем и Трифон Георгиевич уехали в Германию. Приходили тяжелые известия об острых разногласиях в Дорнахе. Затем - пожар Гетеанума(55). Чувствовался натиск темных сил. Он же действовал и вокруг нас, вынуждая все больше прятать, уводить в конспирацию то, что по самой природе своей, по природе антропософского импульса, требует солнечной ясности, открытости. Не было прежней гармонии, искажались судьбы, искажались отношения.

А.Белый "безобразничал" в Берлине, Клавдия Николаевна стала пленницей его и своей судьбы(56). Некоторые говорили даже, что Клавдия Николаевна "потеряла свою индивидуальность", с ней уже нельзя говорить как прежде, Борис Николаевич стал стеною между нею и Обществом. Другие, напротив, находили, что Клавдия Николаевна препятствует их общению с Борисом Николаевичем. Я думаю, что и то и другое неверно. Никаких воздвигаемых стен ни с той ни с другой стороны не было. Но была некая естественная самоизоляция. Они жили своей особой жизнью, зимой - Кучино, летом разнообразные поездки - Коктебель, Кавказ(57)... Но подобная самоизоляция в той или иной степени и форме становилась уделом всех. Чувство общности было очень сильно, но и силы раздробления действовали - и внутри и извне. Проскальзывали тени отчужденности, по-разному люди относились и к нашему разделению двух групп и к политической обстановке вовне. Закрытие Общества ощущалось неизбежным. Оно произошло просто и буднично. Появился декрет, обязывающий все общества, союзы, объединения, "не преследующие целей материальной выгоды", - зарегистрироваться(58). Те, кому в регистрации будет отказано, тем самым подлежали ликвидации. Было совершенно ясно, что Антропософское Общество разрешения не получит. Обсуждался вопрос - надо ли подавать на регистрацию? Одни считали, что в создавшейся обстановке это не имеет смысла, надо просто самораспуститься. Другие же находили, что такой поступок означал бы, что мы сами считаем себя антисоветской организацией. Это не так: антропософия не враждебна советской власти, она видит величие ее задач. Духовную же работу, несмотря на отрицание ее господствующей идеологией, мы считали необходимой именно для блага России. Участие в духовно-моральной, религиозной жизни новой России наш долг, от которого мы добровольно отказаться не можем. Мы должны до конца идти в открытую, объясняя свои задачи. Пусть сама советская власть признает их ненужными и запретит Общество. Это ее право, как государственной власти, ее решение на ее исторической ответственности. Это мнение возобладало, и было подано на

регистрацию. Выступали как единое Общество без деления на группы. Председатель Б.П. Григоров, члены-учредители, сколько их требовалось по инструкции, были из обеих групп. В положенный срок пришел ответ, конечно, отрицательный, тем самым Общество перестало существовать. Меры по спасению библиотеки были приняты заранее. Также и драгоценный дар Маргариты Васильевны, незадолго перед тем полученный, - написанный ею портрет Штейнера - был отдан в надежные руки(59). Фотоснимки с него были почти у всех, но, конечно, в последующие годы репрессий мало у кого сохранились.

Краткий десятилетний период (1913-1923 гг.) существования Общества, как открытой общественной организации, кончился. Русское Антропософское Общество вступало в свою "Winterreise", свое "Зимнее странствие". Так зерно, плод расцвета летней жизни, уходит в землю, укрывается во тьме и холоде. Ему светит и согревает отныне только жар "Полуночного Солнца", жар Духа(60). В нем идет сокрытая жизнь, готовящаяся к весеннему прорастанию. Так и Антропософия в России не умерла. Насилием выброшенная из физического плена, она жила и живет в душах. И не только в тех, кто по велению личных судеб воспринял антропософский импульс в те далекие, полустолетием отделенные годы. Она рождается в душах тех, кто теперь, сегодня приходят к ней своими духовными путями. В этом - знак жизни зерен, до времени сокрытых в земле. Они живы, потому что Мать-Земля, душа русского народа приняла их и возвращает, готова всходы. Они уже виднеются, они прорастают потому, что многое изменилось и мире за это столетие. Времена приблизились. Страшны силы зла, бушующие в мире. Но и жажда духовного возрождения, принимая разнообразные формы под действием многих импульсов, - исторических и внеисторических - не погибает, а растет. Во всем и всюду, зримо и незримо идет эта борьба. И в нее Антропософия вносит свой импульс. Это импульс высочайшего и подлинного христианского эзотеризма, того, где открываются пути к будущим формам и духовной и социальной культуры человечества. И на этих путях прорастут и зазеленеют новые всходы Русской Антропософии. Ими оденется Душа русского народа, когда, пройдя свое трагическое чистилище, она выступит во всем величии своей духовно-исторической миссии. Это - обещано. Это - будет.

М. Н. Жемчужникова, 1975 год.

Примечания:

1. *СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА*. (Первое изд. 1916 г.; цит. по второму изд.: Париж, 1985, с.335).
2. Там же, с.345.
3. *САМОПОЗНАНИЕ*, (Первое изд. 1949 г.; цит. по второму изд.: Париж, 1983, с.186-187).
4. Берляев. *САМОПОЗНАНИЕ*, ст.217.
5. См.: "Хроники" (Аресты толстовцев). - "Социалист-революционер", 1927, № 1 (Мириж), С,23-24,
6. Бердяев. *САМОПОЗНАНИЕ*, с.218.
7. Штейнер, Рудольф (Rudolf Steiner, 1861-1925) - доктор наук, с 1902 г. - генеральный секретарь немецкого отделения Теософского Общества, основатель и руководитель Антропософского Общества (январь 1913), центр которого до сих пор находится в

Дорнахе (Швейцария). См. *ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ* Андрея Белого (Париж, 1982).

8. *AUS DER AKASHA-CHRONIK* (1904-08).

9. Harold Fielding-Hall (1859-1917) много лет жил в Бирме, где работал в британской колониальной администрации. Его книга *THE SOUL OF A PEOPLE* вышла в Лондоне в 1898 г. Он много писал о бирманском буддизме.

10. 24 января 1917 г. Белый читал публичную лекцию "Жезл Аарона (О слове и поэзии)" в Малом зале Консерватории. Она была опубликована в том же году в первом сборнике *СКИФЫ*.

11. Одно стихотворение Н.Д. Вольпин (р. 1900) опубликовано в кн. *ПОЭТЫ НАШИХ ДНЕЙ* (М., 1924). Впоследствии она переводила с белорусского, идиш (Маркиш), литовского и туркменского. 12 мая 1924 г. она родила сына, Александра, от Есенина.

12. Белый Андрей (псевд. Бориса Николаевича Бугаева, 1880-1934) - "Философ, ученый, поэт, математик, писатель и мистик - уживались в нем, объединяясь в образе устремленного, пронизательно-страстного человека мыслителя" (М.А. Чехов. *ЖИЗНЬ И ВСТРЕЧИ*. - "Новый журнал", IX, 1944, с.5). Самый знаменитый из русских учеников Р.Штейнера. В "исповеди" *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ И ПОЧЕМУ Я НЕ ПЕРЕСТАЛ ИМ БЫТЬ ВО ВСЕХ ФАЗАХ МОЕГО ИДЕЙНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ* (1928, опубл. в 1982, изд. "Ardis") Белый писал: "Считаю началом своей антропософской общественности мое появление в Мюнхене в июле 1912 года" (с.86). Он провел 1913-16 гг. в Дорнахе, откуда уехал в июле 1916 г., когда был призван в армию.

13. Григорова Надежда Афанасьевна (1885-1964), врач, член кружка "Молодой Мусагет", принимала участие в постройке антропософского "храма" Гетеанума в Дорнахе. Ей поев. стих. А.Белого *КАРМА* (1917, сб. *ЗВЕЗДА*), Сестра Павла Бурышкина (1887-1953), писавшего о ней в кн. *МОСКВА КУПЕЧЕСКАЯ* (Нью-Йорк, 1954): "женщина-врач, очень хороший хирург, была известна с несколько иной точки зрения. Еще гимназисткой она бывала в теософском кружке Христо- форовой, которая была близка к Е.П. Блаватской, даже, кажется, состояла с ней в родстве. Потом, вместе с рядом других лиц, в частности с Андреем Белым, она перешла к Рудольфу Штейнеру и стала антропософкой. Она вышла замуж за моего университетского товарища Бориса Павловича Григорова, который тоже был штейнерианцем. Они постоянно ездили к Штейнеру, в особенности когда он читал свои циклы лекций. Григоров был назначен главным "гарантом" русской антропософской группы. В квартире моей сестры происходили их собрания, где читались лекции и бывали собеседования. /.../ Первая версия Гетеанума, еще в Мюнхене, была выстроена за счет моей сестры, точнее говоря, за счет нашей фирмы" (с.226-27).

14. Шестов Лев Исаакович (наст. фамилия - Шварцман, 1866-1938) - философ, критик, с 1920 г. эмигрант. О его дочери, Татьяне Львовне Березовской-Шестовой (в замужестве Ражо, 1897-1972) см.: Н.Баранова-Шестова. *ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА*, 2 тт. Париж, 1983. В первом томе (с.138) имеется указание, что она училась в моек, гимназии Н.А. Хвостовой.

15. Жегалкин, Иван Иванович (1869-1947) - математик, проф. Моск. ун-та.

16. Григоров, Борис Павлович (1883-1945) - по профессии экономист, член кружка "Молодой Мусагет", где Белый вел курсы в 1910 г. Принимал участие в строительстве

Гетеанума. Один из основателей Р.А.О. и его председатель вначале. В своем "автобиографическом письме" Иванову-Разумнику (1927), Белый пишет: "/.../ возникает Б.П. Григоров, возникает Московская группа, дорнахский антропософский Коллектив, вынашиваются "зерна" в душе будущей "антропософской молодежи" (2-ая и 3-ья волна антропософии)". "Cahiers du Monde Russe et Sovie-nque", 1-2, vol.XV, Janvier-Juin, 1974, p.70). См. также письмо Белого Асе Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: "А О-во полно теперь жизнью, произошли решительные перемены. Григорова дружески попросили уйти из председателей, после чего он поднял "бунт". Но эта мучительная операция *была необходима давно*. О-во теперь состоит из председателя (Трапезников), членов Совета (Петровский, Алексей Нас. Сабашников) и Vorstand'a, в который входила группа (я, Сизов, Столяров, К Н. Васильева, М.В.Сабашникова /.../). Есть два вводительных кружка (Григоровский и Столяровский)". (ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ, V, 1967, с.309). О семейном архиве Григоровых см. "Записки отдела рукописей ГБЛ", вып. 34 (1973), с.166.

17. *THEOSOPHIE. EINFUHRUNG IN UBERSINNLICHE WELTERKENNTNIS UND MENSCHENBESTIMMUNG* (1904). Русское изд. - СПб, 1910.

18. Васильева, Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева, 1886-1970) - вела антропософскую работу и в Москве, и в Петербурге. Вторая жена Андрея Белого. О ней см. предисловие в кн.: К.Н. Бугаева. *ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОМ*, ред. J.E. Malmstad (Berkeley, 1981). Она также написала воспоминания о Штейнере (1929, опубли. в немецком переводе: К.Н. Bugajewa, *WIE EINE RUSSISCHE SEELE RUDOLF STEINER ERLEBTE*. Verlag Die Pforte, Basel, 1987). О ее архиве см.: "Записки отдела рукописей ГБЛ", вып.38, с.183.

WIE ERLANGT MAN ERKENNTNISSE DER HICHEREN WELTEN? (1904-05) Р.Штейнера.

19. Анисимова, Вера Оскаровна (1890-1967) - писательница, переводчица (печаталась под девичьей фамилией В.Станевич). О ней см. *КЛЭ*, т.7, с. 141. Ее муж, Юлиан Павлович Анисимов (1889-1940) - поэт и переводчик.

DAS CHRISTENTUM ALS MYSTISCHE TATSACHE UND DIE MYSTERIEN DES ALTERTUMS (1902) Р.Штейнера.

20. Анненкова, Ольга Николаевна (ум. 1949) - упомянута как кузина ("Леля") поэта и критика Бориса Дикса (псевд. антропософа Бориса Алексеевича Лемана, 1880-1945) на с.82 кн. Белого *МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ* (Л., 1934) и на с.171 кн. Сабашниковой-Волошиной *DIE GRÜNE SCHLANGE* (изд. 1985 г.): "/.../ seine blonde, Knabenhafte und vogelartige Kusine Olga von Annenkow". Слушала курсы Штейнера в Европе, участвовала в постройке Гетеанума в Дорнахе. Белый ее упоминает в своих *ВОСПОМИНАНИЯХ О ШТЕЙНЕРЕ*, с.223, 280. С начала ноября 1923 г. "бездомный" Белый жил в Москве у Анненковых на Бережковской набережной, на заводе Анилтреста.

21. Фохт, Борис Александрович (1875-1946), философ-кантианец (последователь Когэна), проф. Московского ун-та. Автор комментированных переводов Канта, Аристотеля, Гегеля. См. *НАЧАЛО ВЕКА* (М. 1933) А.Белого, С.351, и его же *ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКЕ*. - "Эпопея", №2, с. 155. Он и "N.N." в стих. Белого *ПРЕМУДРОСТЬ* (1908, УРНА): "Профессор марбургский Когэн, / Творец сухих методологий! / Им отравил меня N*N*. / И увлекательный и строгий".

22. См. "Окончание, 7" *ДОКТОРА ЖИВАГО*, особенно с.493-94 (изд. 1958 г.), где автор пишет о Дудорове, недавно отбывшем срок первой своей ссылки: "Теперь он посвящал друзей в свои ощущения и состояния души в ссылке. Он говорил с ними искренне и

нелицемерно. Замечания его не были вызваны трусостью или посторонними соображениями /.../. Несвободный человек всегда идеализирует свою неволю".

23. *MEIN LEBENSGANG* (1923-25).

24. Сб. А.Белого *СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ*. (Библиотека поэта, большая серия) вышел в 1966 г.

25. Васильев, Петр Николаевич - врач, первый муж К.Н. Алексеевой. В 1920-е годы жил с женою и ее родными в "подвале на Плющихе" (Плющиха, д.53, кв.1). В письме Иванову-Разумнику от 16 августа 1928 г. (ЦГАЛИ, ф.1782, оп.1, ед. хр. 19) Белый писал о нем и его жене: "Мы с К.Н. *вместе* (и работаем, и морально мыслим, и вместе ищем, взявшись за руки) уже с 1918 года. /.../ Петр Николаевич человек благородный, честнейший и силящийся сознанием стать на уровне проблемы *Пути*; увы, - у него слабая воля и *страстное*, ревнивое сердце; он мучается нашей близостью с К.Н. тем сильнее, чем яснее видит, что сказать тут нечего. Он прекрасный человек, умный доктор, изумительно музыкально одаренный, но... - несмотря ни на что он с 1910 г. (года женитьбы) до 1928 г. все еще погибает от *безнадежной* любви; и ведет порою себя, как капризный ребенок". Был арестован в мае 1931 г. и выпущен в июле; развелся с женою, которая вышла замуж за А.Белого 18 июля 1931 г.

26. Кезельман, Елена Николаевна - сестра К.Н. Васильевой-Бугаевой. О ней см. *ПИСЬМА А.БЕЛОГО К Е.Н. КЕЗЕЛЬМАН*. "Новый журнал", №124, 1976, и ее воспоминания о Белом *ЖИЗНЬ В ЛЕБЕДЯНИ ЛЕТОМ 32-го ГОДА* (в кн. К.Н. Бугаевой *ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОМ*). Лебедянь - место ее ссылки на 3 года, когда она была арестована вместе с другими антропософами в 1931 г.

27. Столяров, Михаил Павлович (1888-1937) - философ, литератор, помощник председателя (А.Белого) в Совете московского отделения "Вольфила", член совета московского А.О.

28. Сабашникова, Маргарита Васильевна (1882-1973) - художница, дочь кяхтинского купца В.Сабашникова, двоюродного брата издателей М. и С. Сабашниковых. Первая жена М.А. Волошина. Автор книги о Серафиме Саровском (М., 1913) и книги воспоминаний, вышедшей по-немецки: *DIE GRÜNE SCHLANGE* (первое изд. в 1954; послед. изд. - 1985). Одна из первых русских учениц Штейнера, много лет жила в Дорнахе, где участвовала в постройке Гетеанума. С начала революции бросила работу там и вернулась (впломбированном вагоне с эмигрантами) в Россию (см. с.303-309 ее воспоминаний, изд. Fischer Taschenbuch Verlag, 1985). Работала секретарем в Отделе живописи Пролеткульта, в ТЕО Наркомпроса. Умерла в Германии. См. также *MARGARITA WOLOSCHIN. LEBEN UND WERK*. (Stuttgart, 1982). Ее брат Алексей тоже был активным членом А.О.

29. См. *DIE GRÜNE SCHLANGE*, изд. 1985, с. 197. Ученица - Lory Maier-Smits (Майер-Смитс, 1883-1971), о которой Белый писал: "Не было бы Смитс, - не было б эвритмии; когда Смитс сама поработала над проблемою связи пластики со словом [в 1912 г. - Дж.М.], то и он [Штейнер. - Дж.М.] весь ушел в ответ ей; по мере разрастания эвритмии, он все более лично работал в этом направлении; выросла отсюда: проблема слова" (*ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ*, с.43). О ней см. также: *DIE GRÜNE SCHLANGE*, изд. 1985, с.264.

30. Фон Сиверс, Мария Яковлевна (von Sivers, 1867-1948) - "русская немка" (родилась во Влоцлавске, провела молодость в Петербурге). В 1895-97 гг. занималась искусством

декламации в Париже, с 1902 г. стала близкой сотрудницей Р.Штейнера в немецком отделении Теософского Общества, затем в А.О. В 1914 г. вышла замуж за Штейнера. Образ ее личности заключал для А.Белого "огромность в духовном плане" ("Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923)" - ЦГАЛИ, ф.53, оп.2, ед.хр.3). Умерла в Швейцарии. О ней см.: *ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ* А.Белого и *A US DEM LEBEN VON MARIE STEINER-VON SIVERS* (Dornach, 1956).

31. "Der Tempel ist erbauet... Noch ruht er in den Tiefen der Erde, sagte die Schlange. Ich habe die Künige gesehen und gesprochen... Ich hörte die grossen Worte im Tempel ertönen: es ist an der Zeit" (*AUS GOETHES "MÄRCHEN"*). 32. Сизов, Михаил Иванович (1884-1956) - физиолог, педагог, критик и переводчик (псевд.: М.Седлов, Мих. Горский и др.). Близкий друг А.Белого, один из "аргонавтов" (о них см. статью А.В. Лаврова *МИФОТВОРЧЕСТВО "АРГОНАВТОВ"*. - В кн.: *МИФ - ФОЛЬКЛОР - ЛИТЕРАТУРА*. Л., 1978), сотрудник издательства "Мусагет". О нем см. *НАЧАЛО ВЕКА* А.Белого, с.356-357. Его первая жена, Ольга Павловна, - врач, участвовала в московских теософских кружках и, как и он, в постройке Гетеанума. Вторая жена - Людмила Вячеславовна, - антропософка.

Трапезников, Трифон Георгиевич (1882-1926) - историк искусства, один из ближайших друзей А.Белого "в антропософии" после 1912 г., когда они сблизились в Мюнхене, где оба слушали курс лекций Штейнера. С 1913 по 1916 работал в Лорнахе над постройкой Гетеанума. Вернулся в Россию в 1917 г. (был призван в армию), где он "с начала 1918 года становится едва ли не главным организатором /.../ "Отдела Охраны Памятников", в котором работает до смертельной болезни в 1924 году; в 1924 году едет лечиться за границу и долго умирает у своего приятеля (с 1910 года) Бауэра (антропософа)". ("Заявление Андрея Белого Советскому Прокурору Катаняну". Подано 27 августа 1931 года. - "Новый журнал", №124, 1976, 1 157). Одно время заменял Григорову в качестве председателя московского отд. I Л.О. Об этом периоде Белый пишет в своем "автобиографическом письме" Иванову-Разумнику: ".../ в Москве мы [с ним. - Дж.М.] оказались в кармическом контакте, вызвав к жизни группу *Ломоносова*" ("Cahiers de monde Russe et Sovietique", 1-2, 1974, с.70). Он умер в Breitbrunn am Ammersee в доме вдовы поэта Кристиана Моргенштерна. М.В. Сабашникова, с которой он много лет был в близком контакте, написала о нем в своих воспоминаниях, а также написала его портрет в 1926 г. О нем см. также *ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ* и *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ* А.Белого; *ПО ПОВОДУ "ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИСКУССТВ"* А. Тургеневой ("Мосты", №12, 1966, с.358-60). и ее же: *АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР* ("Мосты", №13-14, 1968, с.248). См. также: Гр. Н.Н. Зубов. *СТРАДНЫЕ ГОДЫ РОССИИ*. 1968, с.80-87.

33. Трапезников защитил свою диссертация *DIE PORTRÄTDARSTELLUNG DER MEDICEER DES XV JAHRHUNDERT* не в Мюнхене, а в Гейдельберге в 1409 г. Она была издана в том же году в Страсбурге.

34. *БЫВШЕЕ И НЕСБЫВШЕЕСЯ*, т.1, Нью-Йорк, 1956, с.19, 125.

35. Петровский, Алексей Сергеевич (1881-1958) - "Мой вечный спутник по жизни" (А. Белый о нем), "прекрасный химик" (А.Белый. *НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИИ*. М.-Л., 1931, с.436), активный член кружка "аргонавтов" (см. *НАЧАЛО ВЕКА*, с.21-27) и "Мусагета". Около 1910-11 гг. стал антропософом, в 1914 г. участвовал в постройке Гетеанума в Дорнахе. Организовал библиотеку московского отд. Р.А.О. Многолетний сотрудник библиотеки Румянцевского музея, затем Библиотеки им. Ленина. Переводчик ряда философских (в том числе штейнеровских) и эстетических работ, среди них

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАВЮРЫ XV-XVII вв. П.Кристеллера (1939). Знаток истории мировой гравюры и коллекционер (см. каталог *ГРАВЮРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ А.С. ПЕТРОВСКОГО*, изд. ГБЛ, отдел редких книг, М., 1980; там же много о его научной деятельности). Арестован, как и почти все московские антропософы, в 1931 г. Провел 2 года в ссылке - см. два письма Белого к нему (1931-32 гг.) в "Новом журнале", №122, 1976. Составил вместе с К.Н. Бугаевой и Д.М. Пинесом детальное описание литературного наследия Белого ("Литературное наследство", 27/28, 1937).

36. Бальмонт, Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева, 1867-1950) - вторая жена К.Д. Бальмонта (с 1896 г.), переводчица, автор воспоминаний о Бальмонте. Ее портрет, написанный ее племянницей М.В. Сабашниковой в 1912 г., воспроизводится в кн. *MARGARITA WOLOSCHIN. LEBEN UND WERK* (Stuttgart, 1982). О ней см. также: *DIE GRÜNE SCHLANGE*, с. 33 и след.

37. Сизова Мария (Магдалина) Ивановна (1899-1969) - писательница, театральный педагог и режиссер. Ее записи лекций Штейнера, слушанных в Германии в 1910-е гг., находятся в ее архиве в ГБЛ (см. "Записки отдела рукописей", вып.34, 1973, с.167). О В.В. Викентьеве см.: *DIE GRÜNE SCHLANGE*, с. 109.

38. Ильин, Иван Александрович (1882-1954) - философ-идеалист, с 1912 г. доцент Московского ун-та по философии права. Автор известной книги о Гегеле *{УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О КОНКРЕТНОСТИ БОГА И ЧЕЛОВЕКА}*. Выслан из Советской России в 1922 г. Публикатору не удалось установить, является ли Екатерина Александровна Ильина, антропософка, переводчица Штейнера, участница постройки Гетеанума, - сестрой И.А. Ильина или не является. Об И.А. Ильине писала в своих *ВОСПОМИНАНИЯХ* (Париж, 1973) Евгения Герцык: "Способность ненавидеть, презирать, оскорблять идейных противников была у Ильина исключительна, и с этой, только с этой стороны знали его москвичи тех лет" (с. 154).

39. Ариман - в антропософии обозначает путь демонического соблазна, угрожающего "духовному Я" в стремлении к самопознанию, дух разложения и хаоса.

40. Об уничтожении организации скаутов - см. секретное постановление от февраля 1924 г., помещенное в: "СССР. Внутренние противоречия", 1985, №14 (раздел: Документы 1921-1927 гг.), с. 159-161.

41. Завадский, Юрий Александрович (1894-1977) - с 1915 г. актер студии Вахтангова, затем МХАТа. С 1924 г. руководитель основанной им театральной студии. Режиссер, народный артист СССР (1948).

42. Спасский Сергей Дмитриевич (1898-1956) - поэт и прозаик, переводчик, и юности близок к футуристам. Друг А.Белого (с 1918 г.) и Б.Пастернака. В своих *МОСКОВСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ* Надежда Павлович писала о нем: ".../ символист, ученик Андрея Белого, Вячеслава Иванова, все творчество его связано с антропософией, отчасти с В.Соловьевым". ("Литературные записки", №2, 1922, с. 8). О нем см. также: *КЛЭ*, т.7, с. 118, где нет упоминания о том, что Спасский был репрессирован.

Шторм, Георгий Петрович (1898-1978) - писатель, историк литературы. О нем см. *КЛЭ*, т.8, с.801.

43. О "Вольфиле", т.е. Вольной философской ассоциации, основанной в ноябре 1919 г. в Петрограде, - см. статью А.Белого *ВОЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АССОЦИАЦИЯ*. - "Новая

Русская Книга" (Берлин), №1 (январь), 1922, с.32-33. К организационному ядру "Вольфила" примкнули: Блок, Белый, Иванов-Разумник, И.З. Штейнберг, Эрберг, А.А. Мейер и др. В сентябре 1921 г. открылось отделение "Вольфила" в Москве. "Вольная Философская Ассоциация сосредоточивает свое внимание на проблемах философии, религии, культуры, сознания и общественности, взятых в свете кризиса жизни и в свете поисков положительных начал жизни и мысли" (А.Белый).

44. Булгаков, Валентин Федорович (1886-1966) - писатель, мемуарист (*У ТОЛСТОГО В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЕГО ЖИЗНИ*), сторонник социально-нравственных воззрений Л.Н. Толстого, в 1910 г. его личный секретарь. С 1923 по 1948 жил в Праге, в 1949 г. вернулся в Россию, работал научным сотрудником дома-музея Толстого в Ясной Поляне.

45. Чертков, Владимир Григорьевич (1854-1936) - издатель-публицист, ближайший сотрудник Л.Н. Толстого и пропагандист его учения. До смерти - ре-ликтор собр. соч. Толстого.

46. Шорох-Троцкий, Константин Семенович (1892-1937) - литературовед, последователь учения Л.Н. Толстого, член редколлегии юбилейного издания его сочинений, собиратель материалов, связанных с сектантством.

47. Герье Софья Владимировна - переводчица, дочь знаменитого историка, профессора Московского ун-та В.И. Герье (1837-1919), организатора Высших Женских Курсов ("Курсы Герье") в Москве (1872). Об архиве Герье и его семье ИМ.: "Записки отдела рукописей ГБЛ", вып.21 (1959).

48 "Мистический анархизм" - философско-эстетическая доктрина, выдвинутая Георгием Чулковым (1879-1939), главным образом, в его кн. *О МИСТИЧЕСКОМ АНАРХИЗМЕ*, со вступ. статьей Вяч. Иванова *О НЕПРИЯТИИ МИРА* (СПб, 1906), и вызвавшая ожесточенную полемику в символистских кругах в 1907-08 гг., особенно со стороны Белого, увидевшего в мистическом анархизме "профанацию" основ символизма.

49. О нем см. Paul Avrich. *THE RUSSIAN ANARCHISTS* (Princeton, 1967), с.228, 236. Его *ПАМЯТИ А.А. КАРЕЛИНА* было опубл. в журнале анархистов "Пробуждение" (Детройт, США), №1, апрель 1927, с.5. Солонович был арестован в ночь на 24 апреля 1925 и отправлен на Соловки (См.: "Дело Труда", Париж, №2. 1925, с.6; см. также: Paul Avrich op. cit.).

50. Феликс Бальде и Фелиция - действующие лица в четырех мистериях-драмах (mysteriendrama) Р.Штейнера.

51. Имеется в виду Вальдорфская система воспитания и Вальдорфские школы (Freie Waldorf-schule), первая из которых была основана в Штутгарте в 1919 г. Эмилом Мольтом (Emil Molt) и Р.Штейнером; клиничко-терапевтический институт (Klinisch-Therapeutisches Institut), основанный доктором Итой Вегман (Ita Weg-man) в Арлесгейме (Швейцария) в 1921 г.; "Христианская община" (Die Christengemeinschaft), основанная группой протестантских и либеральных католических богословов в 1922 г. В своих *ВОСПОМИНАНИЯХ О ШТЕЙНЕРЕ* (с.20) Белый писал: "/.../ то, что он [Штейнер. - Дж.М.] создал новые основы педагогики, доказывают более 1000 школьников Вальдорфской школы, о которой пишут и которой удивляются, которая воспроизводится в Германии, Англии, Голландии, Швейцарии; что его экскурсии и методы лечения имеют конкретное содержание, доказывает медико-терапевтический институт; что его поправки

к пониманию быта религиозной общины ценны и дельны, доказывают блестящие свершения деятельности "Христианской общины", руководимой группой священников".

52. См.: *DIE GRUNE SCHLANGE*, с. 271. Воспоминания К.Н. Бугаевой и А.Белого подтверждают версию Жемчужниковой. В *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИ-*(ГОМ Белый писал: "С 1917 до 1921 года перед русскими антропософами стояли шдачи, не снившиеся антропософам запада; вопросы о связи культуры России в ее СТАНОВЛЕНИИ с культурой антропософии в ее СТАНОВЛЕНИИ. /.../ Так, выделялись стремления так называемой "ЛОМОНОСОВСКОЙ" группы из "СОЛОВЬЕ-ш КОЙ" в Москве; и я /.../ всемерно стоял и участвовал в придумывании стиля 1>лбот ломоносовской группы /.../ Так, одно время виделся мне в нашей группе возможный орган переориентировки быта антропософии в условиях, подаваемых рус-о кой действительностью 1918-1921 годов" (с. 105-108).

53. В кн. *DIE KERNPUNKTE DER SOZIALEN FRAGE IN DEN LEBENSNOTWENDIGKEITEN DER GEGENWART UND ZUKUNFT* (1919) Штейнер излагает i мою концепцию о "трехчленности социального организма" (die Dreigliederung des sozialen Organismus).

54 Имеется в виду *АЛЕКСАНДР БЛОК В ПРОБЛЕМЕ "ПУТИ"* - три лекции, прочитанные Белым "друзьям поэзии Блока" 12 и 22 января и 1 февраля 1924 г. (*СЕБЕ НА ПАМЯТЬ. ПЕРЕЧЕНЬ ПРОЧИТАННЫХ РЕФЕРАТОВ /.../ С 1899 ДО 1932 ГОДА*. - ЦГАЛИ, ф.53. оп.1, ед. хр.96, л.17). См. также *МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ /.../ 1919-1927 гг.* (ЦГАЛИ, ф. 53, оп.1, ед.хр.98, л.3 об.): "1924 год.../ читаю небольшому] кружку любителей Блока 3 лекции об образных мифах у Блока". В это время Белый только начал свою переработку *ПЕТЕРБУРГА* в драму и свое "сближение" с М.А. Чеховым (о постановке см. мое Послесловие в кн.: А.Белый. *ГИБЕЛЬ СЕНАТОРА (ПЕТЕРБУРГ)*, Berkeley, 1986, с.203-37). В период 1924-27 гг. Белый часто читал лекции и вел курсы на антропософские темы у Михаила Александровича Чехова (1891-1955) - актера, ^режиссера, театрального педагога. Чехов был одним из руководителей МХАТа-2, в постановке драмы *ПЕТЕРБУРГ* (1925) исполнял роль Аполлона Аполлоновича. Эмигрант с 1928 г. В его письмах и театральных писаниях, собранных в двух томах его *ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ* (М., 1986), часто упоминается Штейнер. См. также его письма об антропософии в "Новом Журнале", №132, 1978, и *DIE GRBNE SCHLANGE*, с.354-56.

55. "В ночь на первое января [1923. - Дж.М.] около Базеля, в Дорнахе, сгорело огромное здание, принадлежащее Антропософскому Обществу и построенное под руководством известного философа и антропософа Рудольфа Штейнера. Здание было одновременно и помещением высшей школы духовных наук и театром". -

А. Белый. *ГЕТЕАНУМ*. ("Дни", Берлин, № 100, 27 февраля 1923). См. также его *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ*: "А 31 декабря 1922 года он загорелся; и горел 1-го января 1923 года /.../ С "ГЕТЕАНУМОМ" сгорел принцип "ЭСОТЕРИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ", общество было трупом; мне было ясно: Штейнер - нужен; антропософия - нужна; "ОБЩЕСТВО" - нет. И как знак этой моей мысли мне было указание о закрытии властью "АНТРОПОСОФСКОГО О-ВА"" (с. 117).

56. Многие мемуаристы писали о "безобразиях" Белого во время его двухлетнего пребывания на Западе (он уехал из Москвы 20 октября 1921 г., вернулся в Россию 26 октября 1923 г.), главным образом, в Берлине и под немецкой столицей. См., например, *НЕКРОПОЛЬ* В.Ф. Ходасевича. Белый сам назвал это время "периодом моего берлинского обморока", когда он жил "в сплошном бреду" (*ПОЧЕМУ Я СТАЛ*

СИМВОЛИСТОМ, с. 115). В "автобиографическом письме" Иванову-Разумнику он писал об "окончательном значении для меня К.Н., которая в период кризиса и переоценки для меня "антропософии" мне стояла, как путеводная "звезда"" (*Cahiers du monde russe et sovietique*", с.80).

57. См. кн. К.Н. Бугаевой *ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОМ* и мой комментарий к ней.

58. Имеется в виду постановление ВЦИК РСФСР от 3 августа 1922 г. *О ПОРЯДКЕ УТВЕРЖДЕНИЯ И РЕГИСТРАЦИИ ОБЩЕСТВ И СОЮЗОВ, НЕ ПРЕСЛЕДУЮЩИХ ЦЕЛИ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ, И НАДЗОРА ЗА НИМИ*.

59. Портрет Штейнера был написан в 1922 г. Место хранения его неизвестно. Числится под номером 38 в каталоге работ М.В. Сабашниковой, помещенном в кн. *MARGARITA WOLOSCHIN(Ш2)*, с указанием, что в ее архиве имеется только фотография портрета. В России в 1920-22 гг. она написала портреты Ленина, Бердяева, Павла Муратова, Вяч. Иванова, Михаила Чехова и Бориса Зайцева.

60. Ср. название лекции А.Белого в Р.А.О. 9 декабря 1918 г.: "Зимнее странствие, ночь: полуночное солнце культуры".

Д. Мальмстад